

ISSN 0131-5994

РОВЕЧНИК

10'91

ОКТЯБРЬ

В НОМЕРЕ:

4. СМОТРИТЕ: КЕМБРИДЖ
6. Сабина Этцольд. УЧИТЕЛЬ С ЗАПАДА
8. Селин Бюанин. «МОЙ СЫН — ДЕСПОТ»
10. Жан-Нозль Капфере. АНАТОМИЯ СЛУХОВ
12. Саймон Хогарт. НА СТО ПРОЦЕНТОВ ПО-АМЕРИКАНСКИ
14. Дэйвид Френд. МАХАРИШИ
17. РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»
19. Удо Линденберг. КАК СТАТЬ ЗВЕЗДОЙ
21. Альфред д'Альбер. ДЕЛО ЧЕСТИ
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. Франсуаза Саган. ХРАНИТЕЛЬ СЕРДЦА. ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН
28. Луана Старринг. ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ
29. И. Линц. ПЛЕМЯННИК «КРЕСТНОГО ОТЦА»
31. ВИДЕОКЛУБ

На первой странице обложки: утро после Летнего бала. Университетский городок Кембриджа. Фото Джона ДЭВИСОНА, чей фотоочерк смотрите на стр. 4-5.

РОВЕСНИК 10'91 ОКТЯБРЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Учредители:

Журналистский коллектив редакции
ИПО «Молодая гвардия»

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, С. В. ЖУРАВЛЕВ, С. А. НАВТАРАДЗЕ (ответственный секретарь), С. В. КОЗИЦКИЙ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ, И. А. ЧЕРНЫШКОВ (зам. главного редактора)

Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Оформление художника И. М. Неждановой
Технический редактор М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник. Сдано в набор 15.08.91. Подписано в печ. 10.09.91. Формат 84 X 108 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная №2. Усл. печ. л. 3,36. Усл.-кр. отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 2 055 000 экз. Цена 50 коп. Зак. 2169.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Н-30, ГСП-4, Сушевская ул., 21.

КАН В КИНО

Парк-заповедник неподалеку от городского аэропорта кишит крокодилами, улицы в городе чистят пылесосами, а телефоны-автоматы моют дезинфицирующим раствором. В этом городе легко наткнуться на миллионера, развезающего в потертых джинсах на грузовичке, но не встретить нищего с протянутой рукой. Тут все желают веселиться и жить, как в кино.

Студия «Юниверсал» построила съемочный комплекс, такой большой, что его называют «Восточный Голливуд». Здесь есть даже «съемочные площадки», на которых зрители-туристы могут испытать эффект «реального» присутствия в эпизодах известных приключенческих фильмов, например, в момент землетрясения или столкнуться лицом к лицу с Кинг-Конгом и ощутить его дыхание с запахом бананов.

Здесь магазины, отели, рестораны — все превращено в аттракционы. Скажем, ресторан «Средние века» знаменит не своей кухней, а тем, что на посетителей одевают короны, и, пока они жуют жареное мясо, на арене в боевых доспехах на лошадях средневековые рыцари проводят турниры.

Это город, имитирующий имитацию.

Судьба городка Орlando круто изменилась ровно двадцать лет назад, когда «Дисней уорлд» (просьба не путать с «Диснейлендом», что на другом конце Америки, в Калифорнии) открыл свои ворота посетителям. Сказочный мир Диснея расположился на болотах под Орлан-

до, на 111 квадратных километрах территории, прежде называвшейся в народе «комариным графством». «Дисней уорлд» стал, подобно Ватикану, государством в государстве. Здесь свой стиль, свои правила, свое правление и столько же, как в Ватикане, туристов: 13,3 миллиона ежегодно, 76300 гостиничных номеров почти никогда не пустуют. Планы компании Диснея на 90-е предусматривают строительство еще 7 отелей, еще 29 аттракционов, еще одного парка и создание еще 19000 новых рабочих мест.

Население Орlando стремительно растет, и предсказывают, что вскорости он станет очередным Лос-Анджелесом. Приток людей, пытающихся найти свое место в сказке, значительно обгоняет квартирмейстерские возможности города: счастливицы живут в вагончиках, но многим повезло меньше, и они ночуют в автомобилях или просто в лесу. Местные школы переполнены, ученики приходят и уходят, не успевая познакомиться и подружиться друг с другом. Например, в одной средней школе в начале учебного года из 2200 учащихся 700 были новенькими, но в течение года 500 человек покинули школу.

На снимке: на улице Орlando.

КРУТАЯ МОДА

В студии татуировки на Портобелло-Роуд на западной окраине Лондона три девочки изучают эскизы, развешанные на стене. Одна из них принесла с собой брошь, которую хочет скопировать, — скорпион.

Ненюгда татуировка являлась отметиной «падшей женщины» и до сих пор считается символом низкого социального статуса.

Дороти давно собирается сделать себе татуировку, но все не может выбрать подходящий рисунок. «С ее помощью я хочу выразить бушующие во мне тайные страсти». Многие делают татуировки в желании продемонстрировать, что у них особый внутренний мир. У Майли Аштон на руке татуировка

розы и дракона. «Все считают меня хорошенькой из-за моей внешности. Но во мне есть и кое-что другое помимо внешности, и я хочу это показать. Я хочу показать, что я женщина, отказывающаяся жить по общепринятым нормам».

У татуировок давняя мрачная история. Они возникли в виде клейма и помогали держать в унижении и повиновении сначала негров во времена работорговли, потом евреев и цыган в нацистских концлагерях. «Мой начальник сказал мне, что я ненавижу свое тело, — признается Сара Томас. — Я была шокирована. Я люблю свое тело и своей татуировкой хотела это сказать!»

Но часто сами женщины через некоторое время очень сожалеют, что решились на подобное украшение. Лиза Каннингем рассказывает, что свои первые татуировки сделала в 16 лет, когда была скинхедом. Теперь она собирается поступать в школу бизнеса. «Мне обидно, что я совершила такую глупость». Она носит рубашки с длинным рукавом,

чтобы скрыть морду пантеры, выколотую на руке. Если бы можно было удалить татуировки, не обезобразив кожу, она бы с радостью от них избавилась.

Да, татуировки остаются на всю жизнь. Со временем человек меняется, и то, что нравилось ему в юные годы, часто совсем не нравится в зрелом возрасте. Это удерживает многих от поспешного решения. В моду стали входить татуировки, сделанные невидимыми чернилами, проявляющимися лишь в свете прожекторов дискотек.

Джорджия Мак, инспектор по делам молодежи в Нью-Йорке, говорит, что большинство девушек, с которыми ей приходится иметь дело, мечтают избавиться от татуировки.

На снимке: актриса Дженифер Линч демонстрирует свою татуировку.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА СТИНГА

Его статьи о творчестве Шекспира любители литературы ценят не меньше, чем любители рок-музыки его песни. Он снимается в кино, выступает с лекциями о поэзии и курирует школу начинающих бас-гитаристов. Бывший школьный учитель Гордон Самнер, ныне всем

известный как рок-музыкант Стинг, находит время не только на концерты и записи новых пластинок. «Нельзя просто сидеть, положив ногу на ногу, и надеяться, что завтра воздух будет достаточно чистым, чтобы им дышать. Правду сказать, чистого воздуха осталось не так много», — говорил Стинг после создания Фонда спасения тропических лесов. Он неоднократно ездил с экологическими миссиями в эти леса, в Бразилию, где даже подружился с вождом индейского племени Раони, которого потом лично представил бразильскому президенту. Кроме того, Стинг входит в «Международную амнистию», организацию, борющуюся за освобождение политических заключенных во всем мире, участвует в благотворительных концертах. Средства от пластинки «Для наших детей», созданной по инициативе Стинга усилиями лучших рок-музыкантов мира, предназначались специально детям политзаключенных в разных странах. Кстати, у самого Стинга пятеро детей: трое от нынешнего брака и двое от предыдущего.

На снимке: во время визита Стинга в Чили как представителя «Международной амнистии».

ЭСПЕРАНТО — ЯЗЫК ДЛЯ ВАС!

Эсперанто — международный язык, существующий уже более ста лет.

Миллионы жителей планеты переписываются и путешествуют с помощью эсперанто.

Язык эсперанто поможет вам в изучении иностранных языков и лучше понимании родного языка. Интернациональная лексика и грамматика, состоящая из 16 правил, не имеющих исключений, позволяют за тридцать часов овладеть эсперанто настолько, чтобы можно было говорить, читать и писать на этом языке.

Если вас заинтересовал язык ЭСПЕРАНТО, пишите на наши заочные курсы: 620067, г. Свердловск, аб. ящ. 132 «ЭСПЕРАНТО». Вам будет выслана подробная информация об условиях обучения и оплаты.

Смотрите

КЕМБРИДЖ

В 1209 году отцы-инквизиторы проводили очередную «чистку» среди английских ученых в Оксфорде и многих из них повесили. Другие предпочли не испытывать судьбу и сбежали, найдя укрытие в соседнем торговом поселении на реке Нем. Поселение находилось рядом с мостом (по-английски бридж), отсюда и название поселения — Кембридж. Беглые ученые пустили в Кембридже корни, их ученики создали тут университет, где впоследствии набирались учености Ньютон и Байрон, а сегодня... впрочем, судите сами. Не отдыхают студенты лодками, похожими на гондолы (с н и м о н с п р а в а), и каждый год по окончании занятий устраивают Летний бал (на крайних снимках с п р а в а: на рассвете после бала). Еще студенты ходят в университетскую церковь замаливать грехи и слушать песнопения (на с и м к е п о д т е к с т о м: церковный хор мальчиков в часовне Кингз-колледжа). А все остальное время учатся. Вот, например, урок в Эммануэль-колледже (с л о в а е н и з у) и работа над домашним заданием (с л о в а в е р х у).

УЧИТЕЛЬ С ЗАПАДА

Сабина ЭТЦОЛЬД,
немецкая журналистка

Долгожданное воскресное утро Маркус Пренгель обычно проводит в телефонной будке на вокзале Хемница. Каждое воскресенье в 9 утра он созванивается со своей подругой Эвелиной и родителями, живущими в Дюссельдорфе. Так для него начинается долгий воскресный день. Чтобы потом прогуляться по городским улицам, поглазеть на витрины, подкрепиться в уютном кафе и там же почитать воскресные газеты — об этом нет и речи. Потому что нет здесь ни уютных кафе, ни привлекательных витрин. В воскресные дни улицы словно вымирают, точно так же, как и в недавние времена, когда Хемниц назывался Карл-Маркс-Штадтом.

Живет Маркус Пренгель в гостевой комнате интерната для детей с нарушением речи и слуха на Паркштрассе. Маленькая комнатка кажется переполненной от того немногого, что в ней есть: две кровати, стол, стул, шкаф, раковина для умывания. Подоконник, на котором стоят пара стаканчиков с кефиром и бутылки с соком, служит холодильником.

Дверь комнаты выходит прямо в зал, где обычно играют интернатские дети. Когда «гость с Запада» появляется там, изголодавшиеся по общению и ласке дети с восторженными криками бросаются ему навстречу. Он играет с ними, потому что по воскресеньям не бывает школьных занятий, ради которых Маркус Пренгель и приехал в Хемниц.

С начала года Маркус преподает историю и обществоведение в средней школе имени Фридриха Энгельса. Осталась одна в комфортабельной дюссельдорфской квартире его подруга Эвелина. А он, загрузив в свою машину старые школьные учебники, отправился на Восток. «Не навсегда, но на

полтора-два года это точно. Мне очень хотелось работать по специальности» — так объяснил он свое решение. Получив диплом преподавателя истории и географии, он долго не мог найти работу и перебивался, как и тысячи других безработных учителей в ФРГ: преподавал в частной школе, был репетитором, полгода помотался по США, где все же успел поработать в городской школе. В 35 лет ему опостытели все эти мытарства, вся неустраиваемость его жизни.

Средняя школа имени Фридриха Энгельса в Хемнице была построена более ста лет назад в районе Касберг, где когда-то обитали самые уважаемые люди города. После 1945 года старый буржуазный квартал пришел в упадок. В нескольких сохранившихся добротных старинных зданиях разместились новые городские и партийные власти.

Школа, бывшая когда-то прекрасным строением, находится теперь в жалком состоянии. Учителя и школьники входят в нее со двора, потому что парадный вход в любое время может просто-напросто обвалиться. Строительные леса закрыли фасад здания, внутри — исцарапанный паркет, унылого цвета стены с облупившейся штукатуркой. Портрет Энгельса в фойе, еще один — на лестничной площадке. Третий Энгельс, это уже бюст, одиноко стоит в садике перед школой.

В бывшей котельной застоялый запах подвала смешивается с залахами,

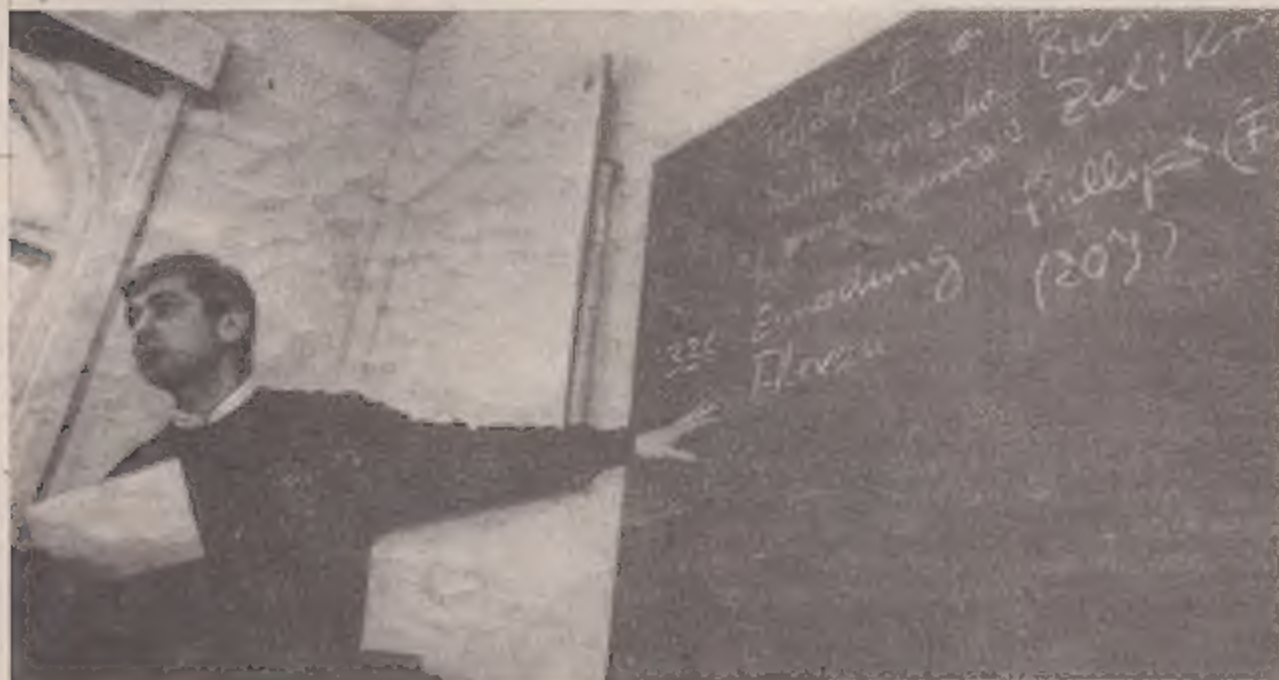
проникающими из столовой. На чердаке, который завхоз постоянно держит на замке, стоят мишени для стрельбы, оставшиеся от занятий по военной подготовке. Да и винтовки все еще здесь, запертые в железных шкафах. Актный зал вот уже почти десять лет как закрыт — начал обваливаться потолок. Там стоят новые, все еще в упаковке, складные стулья красного цвета, привезенные в школу еще восемь лет назад. Кто-то забросил туда древко от знамени. «Конец знамени», — произносит завхоз и запирает дверь на ключ.

На первый взгляд детская возня и беготня ничем не отличается от того, что происходит в школах западнее Эльбы. Пестрая толпа ребят в униформе, состоящей из джинсов, кроссовок, мяк и того странного и невообразимого, в чем сегодняшние школьники

обычно таскают свою нехитрую поклажу, одним им ведомые пути и тропы, по которым они перебегают на переменах из класса в класс, хихикающие девчонки и дерущиеся мальчишки, влюбленные парочки, опоздавшики, отличники, списывальщики и примерные — все как везде и как всегда с незапамятных времен.

На больших переменах, как здесь повелось, все прогуливаются по кругу, из которого никто не выходит. Маркус не выносит этого зрелища: «Как в тюремном дворе!» Ему не сразу удалось приучить ребят не вскакивать при его

ехать куда хочешь и самому определять свою будущую жизнь. С другой, есть много скептиков, в основном девочки, которые, помедлив, все же решаются высказать свое мнение: «Трудно сказать, свободны ли мы сегодня или нет. Если теперь мы скажем, что мы ЗА социализм, нам не поздоровится точно так же, как если бы раньше мы сказали, что мы ПРОТИВ него». В ответ на эти слова с противоположной стороны раздается хохот: «Ну тогда скажи, что хорошего было в твоём социализме?» — «А я и не собираюсь говорить, что все было

появлении в классе и кричать хором: «Доб-рое ут-ро!» Не обошлось и без некоторых осложнений в отношениях. «Вы напоминаете мне марионеток», — сказал как-то Маркус ученикам, не предполагая, что задевает их какие-то особые чувствительные струны или намекает на их прошлое. «А наш «западник», между прочим, называет нас марионетками», — оборонялись и напалали ребята. Кстати, раньше они по утрам должны были еще дружно орать: «Дружба!»

Теперь больше никто не вскакивает, но и Маркус Пренгель стал более осмотрительным в своих поступках и осторожнее в словах. Он учитель, о котором мечтают школьники: в меру расслаблен и в меру деловит, любит пошутить, но не стремится добиться этим дешевого авторитета, дает до тошноты нормальные уроки, но никто на них при этом не засыпает. Это учитель, с которым можно запросто поболтать. Достаточно ли этого, чтобы разрушить бастионы в головах учеников? А они есть. «Теперь рассказывают, что раньше нам все время ввали. А кто может гарантировать, что не врут сейчас?» — говорит старшеклассник.

Через классы пролегла идеологическая граница, обозначился внутренний раскол. С одной стороны, часть ребят бездумно, на всю катушку, радуется наступающим переменам: наконец-то можно говорить все, что думаешь,

хорошо и прекрасно. Много не получилось, было много ошибок, но квартплата была маленькой, у всех была работа, и вообще было чувство какой-то общей солидарности.

Маркус Пренгель старается не вмешиваться в эти дискуссии, отчасти потому, что хочет, чтобы ребята сами учились отстаивать свое мнение, используя непривычные для них политические аргументы. А еще он понимает, что не сможет помочь детям справиться с трудностями и проблемами, которые вдруг встали перед ними, это они смогут сделать только сами. «Общая солидарность» для учителя с Запада — политически-исторический символ, нечто такое, что у него ассоциируется с рабочим движением. Но здесь люди это понимают совсем по-другому: это проведенное вместе свободное время, пусть даже в летнем лагере под руководством Союза свободной немецкой молодежи. Слово «солидарность» и обозначает это чувство общности, единения, которое, как оказалось, представляет до сих пор духовную ценность, завоевание, придает уверенность и защищает человека от одиночества и изоляции.

Может быть, это была всего лишь идея, иллюзия, идеология. Но Маркус понял, что у детей с этим связано нечто конкретное, и этого им сейчас не хватает. А что они получают взамен, кроме школьных занятий до обеда и

сидения перед видеоманитофоном по вечерам?

Но когда речь заходит о будущем, лагерь оптимистов и вовсе пустеет. И хотя некоторые и говорят: «Наконец-то мы свободно можем выбрать себе специальность», даже сами ребята воспринимают эти слова как проявление юношеского упрямства.

Теперь перед окончанием школы далеко не все выпускники осмеливаются думать о продолжении обучения. Большинство мечтает об изучении экономики и организации производства и лучше всего на Западе, или — о месте ученика в каком-нибудь банке.

Одна девушка рассказывает о своей несбывшейся мечте: она хотела стать музыкантом. В ее семье все музыканты, и она никогда не сомневалась в том, что после окончания школы и консерватории будет работать в одном из многочисленных оркестров, на радио или еще где-нибудь. «А что теперь? Я ни на что не надеюсь, все так неопределенно». Теперь она будет подыскивать себе какую-нибудь работу. И только один радостный парнишка твердо уверен, что ему здорово повезло: «Наконец-то не надо учиться дальше!» А что вместо этого? «Да буду я просто слесарем-ремонтником отопительных систем. Они сейчас везде требуются».

В учительской Маркус Пренгель среди остальных выделяется даже внешне: свитер, джинсы. Как правило, его коллеги ходят на уроки в халатах. В душах педагогов перемены оставили более глубокий след, чем у учеников. Поначалу к гостю с Запада они отнеслись настороженно и не сразу приняли в свой круг. Талантливый учитель? Конкурент? Страх перед будущим у учителей бывшей ГДР велик. Ходят слухи, что всех их уволят, тысячи в одной только Саксонии. Точные цифры министерство образования пока не обнародовало. Кем будут работать уволенные учителя? Служащими? Или они должны переqualificироваться? Кто будет заниматься рассмотрением анкет, которые должны заполнять все учителя из новых земель ФРГ, и что писать в них на вопрос о политическом прошлом? И когда в конце концов повысят мизерную зарплату?

С тех пор как Пренгель приехал из Дюссельдорфа в Хемниц, он, человек в общем-то экономный, впервые в своей жизни столкнулся с денежной проблемой. Он платит за жилье в интернате, хоть может жить там бесплатно, за питание, ну и повседневные расходы складываются в кругленькую сумму: плата за телефон, расходы на машину, одежду, парикмахерскую, газеты. Кроме того, все дорожает: квартплата, продукты, вода, электричество.

В кругу коллег Маркус, «новенький», стал советником по финансовым вопросам и исповедником одновременно. Он служит источником информации о ценах, о страховании, о путешествиях и кредитах, о качестве видеоаппаратуры. И снова, и снова ему приходится выслушивать разного рода оправдания: чего учителя не знали и чего не делали в бывшей ГДР, потому что ничего поделать было нельзя, и что все-таки пытались делать и, может быть, даже воспрепятствовали чему-то, о том, как подло они были обмануты и введены в заблуждение и насколько все теперь будет лучше.

Как и во всех остальных новых землях, школьное руководство поменялось. 12 лет директором школы имени Фридриха Энгельса был Вернер Бройер. Теперь он снова стал «нормальным» учителем, преподает историю и обществоведение вместо гражданского права. В старших классах, правда, ему пока не разрешено работать. На переменах он идет не в учительскую, как остальные учителя, а направляется в подсобную комнатку для хранения карт, полутемную и вытянутую, как кишка.

«Ошибся учитель Бройер, — говорит он о себе. — Но все, что я делал, я делал с известной степенью убежденности». Теперь он намерен помочь исторической правде пробиться к свету и поэтому ходит на все курсы усовершенствования, какие только организуются в городе.

Новым директором школы стал бывший учитель русского языка Циммермани. Мне он говорит, что умеренный «импорт» учителей с Запада был бы полезен. А потом выясняется, что директор Циммермани без особых на то причин пытался препятствовать включению Маркуса Пренгеля в земельную комиссию по составлению учебников. Он уверяет, что его коллеги искренне и открыто относятся к процессу демократизации. «Многие поняли свое заблуждение, и их мировоззрение поворачивается в сторону социал-демократии, левой социал-демократии».

... А учитель с Запада ощущает все большую необходимость действовать. Ситуация в его новом «доме» заставляет Маркуса использовать отпуск в Дюссельдорфе, чтобы организовать хоть какую-то помощь своей школе: курсы для учителей, сбор денег для помощи интернатским детям, покупка учебников. Он старается не думать о том, что, воюя в одиночку, мало чего может добиться. «Я иногда просто не знаю, что хуже: уезжать на выходные дни домой и потом возвращаться сюда или просто остаться здесь».

Перевела с немецкого
С. АЛЕКСЕЕВА

«МОЙ СЫН — ДЕСПОТ»

Селин БЮАНИН,
французская журналистка

Над первыми шагами в журналистике молодой француженки Селин Бюанин взял шефство журнал «Пари Матч», считая, что темы, которые она выбирает для своих статей, более чем серьезны. Статья, которую мы предлагаем нашим читателям, получила первую премию на конкурсе «Будущий суперрепортер».

«Мой сын решает в семье буквально все: какие телепрограммы смотреть, что и когда есть, что мне делать, что мне ему говорить... По сути, я просто не должен ничего говорить. Я должен молчать и повиноваться. Иначе? Иначе — поток оскорблений и... кулаки».

В усталом голосе мужчины звучит с трудом сдерживаемое страдание, хотя, казалось бы, этот человек имеет все для того, чтобы быть довольным своей жизнью. Ему, молодому и энер-

гичному инженеру, казалось бы, улыбается судьба. Он ведет свою жизнь так же, как и свою машину «рено-21 турбо», — быстро и хорошо. В свои 36 лет Жан заведует лабораторией, под его началом работают десятки исследователей. С ними он ладит. С сыном — нет.

«Все началось четыре года назад. Эрве, моему старшему сыну, было тогда 12 лет. Однажды вечером я ругался с женой, не помню, по какому поводу, банальная сцена, как бывает в любой семье. Мы были на кухне, Эрве смот-

рел телевизор в столовой. Он, должно быть, услышал нас, потому что неожиданно ворвался в кухню совершенно разъяренный. Он был вне себя, как сумасшедший. В руках у него была маленькая африканская статуэтка черного дерева, которую я привез из путешествия. Этой статуэткой он ударил меня в лицо и закричал: «Оставь маму в покое! Ты проводишь все время на службе и возвращаешься только для того, чтобы устраивать эти сцены. Причем последнее слово все равно всегда остается за ней. Ты не мужчина, ты тряпка!» Моя жена, опустив руки, не реагировала. Я попытался вразумить его, но он принялся громить кухню. Полки с посудой были моментально опустошены, чашки и тарелки — разбиты об меня или об стены. В какой-то момент у меня была мысль избить его. Но это только усугубило бы ситуацию, и, кроме того, отец с сыном не могут, не должны драться! Словом, безвыходная ситуация. Единственное, что я мог — уйти. Избитый, я бродил целый час и наконец вернулся. То, что я увидел дома, меня поразило гораздо больше, чем необъяснимая жестокость сына: он мирно спал, жена — тоже. Если бы не битая посуда, усыпавшая пол на кухне, и не мое разбитое лицо, я бы решил, что мне все приснилось».

Но это не сон, а реальность, с которой Жан встречается лицом к лицу по меньшей мере два раза в месяц вот уже четыре года. И всякий раз та же необъяснимая злоба в ответ на какие-нибудь пустяки. «Ты бы побольше позанимался математикой», «Тебе бы надо убираться в комнате» — эти невинные родительские замечания вызывают у его сына приступ озлобления и ярости.

Жан уверен, что такие ненормальные отношения между детьми и родителями, как у них в семье, — явление единичное. Поэтому тщательно скрывает их ото всех. Не удивительно, что, поскольку родители не выдают своих детей ни полиции, ни врачам, не существует никакой статистики. Хотя, похоже, явление это начинает приобретать черты эпидемии.

Марианна, 43 года, директор агентства; ее муж — известный архитектор. Они усыновили десятилетнего ребенка, а вслед за ним — двухмесячного Кристофа.

«Я взяла Кристофа совсем маленьким. Это был мой малыш, мой собственный ребенок. А я была его мамой с самого начала... В 14 лет Кристофа будто подменили. Успешность резко понизилась, в школе и на улице он бывает крайне агрессивным, но что творится дома... Теперь он не выносит от меня ни одного ласкового слова. Он беспрестанно повторяет: «Отстань, заколебала». Когда я пытаюсь ему объяснить, что мама всегда остается мамой, даже когда сын вырастет, начинается ужас. Он бросает мне в лицо нелепые оскорбления, срывает картины со стен, топчет их ногами, ме-

тодично берет с каминки разные безделушки и швыряет их мне в лицо. Когда мне удается от них увернуться, он бросается на меня как зверь, осыпает ударами кулаков, царапает и кусает. Я жду, когда кончится этот припадок. Он длится минут 15. Потом Кристоф идет спать.

Я не могу понять мужа. Он отказывается даже говорить об этом. Для коллег я придумываю самые нелепые истории. Я уже истощила запас фантазии: авария с машиной, с велосипедом, захлопнувшая дверь (объяснение разбитому носу) и так далее. Я знаю, что мне больше не верят. Приключение раз в месяц — это слишком много. Должно быть, думают, что я из тех, кого бьет муж. Если бы так! Это было бы не так тяжело... Мы оба очень любим друг друга, несмотря на ненависть. Мы оба страдаем от этого. Он просит прощения и плачет после каждого припадка. Почему, почему мы дошли до такой жизни?..»

Почему?.. Родители не в силах взглянуть на себя со стороны и не находят ответа на этот вопрос. Дети — слишком эмоциональны, чтобы сделать это за родителей. Психологи, те считают проблему родителей-жертв элементарной и дают объяснения, в которых, однако, трудно что-либо понять неподготовленному человеку: «Ребенок в этом возрасте слишком сексуализован, и это пугает его самого. А вот мать, если она не приняла своего мужа ни как супруга, ни как отца, создает эмоциональные отношения со своим сыном такой силы, что они заменяют ей недостающие переживания. Отец часто остается безучастным при виде этих приступов жестокости. Он — соучастник. Он тоже принял роль, которую играет его сын...» Ничего не понятно. И самое главное: эти объяснения не могут решить саму проблему. Да и можно ли ее решить?

Еще не так давно профессия детей заключалась в том, чтобы быть послушными. Дети не разговаривали за столом, опускали глаза при малейшем замечании. Потом случился май 1968-го. Ребенок — человек, он думает, самовыражается, высказывает свое мнение обо всем на свете — такие зазвучали мысли в либеральных семьях. «Революция нравов» захотела уважать ребенка, и... создала ребенка-короля. А король, чтобы удержаться на троне, превратился в т и р а н а.

Когда родилась Нозми, Лоранс была преисполнена радости. У нее была приятная работа в кино и не было мужа. «Я никогда ее не лупила. Когда у нас появлялась какая-нибудь проблема, мы беседовали, спорили. Ребенок сам должен понять, где добро, где зло, где разрешенное, где запрещенное». Таким образом, Лоранс предполагала наилучшим образом устроить жизнь дочери.

Нозми сейчас 20 лет, и она бьет свою мать уже четыре года. «Она сильнее меня. Единственный выход для меня во время ее припадков — бежать. Вот уже 4 года эти припадки поистине ужасны. Она становится похожа на дикую кошку. Она царапается, кусается, таскает ме-

ня за волосы, бросает в меня все, что ей попадается. Я уже никого давно к себе не приглашаю. Нас обеих засасывает одиночество».

«Детская жестокость — проблема социальная, — заявляет профессор Жак Левин, психоаналитик, занимающийся проблемами подростков. — Вот уже лет 15 дети имеют все права, особенно в семьях социально обеспеченных, где финансовое положение позволяет удовлетворять все их капризы. Более того, эти капризы в высшей степени поощряются, начиная с первого года жизни. Когда дети приходят в ясли, сад, в школу, они чувствуют себя покинутыми. К этому времени у них приобретена привычка иметь родителей в своем распоряжении. С недавних пор я наблюдаю даже явление, которое называю «детским рукоприкладством». Но, как правило, жестокость остается скрытой до подросткового возраста. В этот критический период происходит взрыв. У ребенка появляется ощущение, что родители в долгу перед ним: «Мои родители не были настоящими родителями».

Клеману 16 лет. Еще совсем детская мордашка, лицо примерного мальчика. Ребенок способный, хорошо воспитанный, сдержанный в школе; но дома он превращается в маленького зверя.

«Да, это правда, я бью свою мать. Потому что она меня раздражает. Она мягкая, она всегда со всем согласна. Я могу с ней сделать что угодно. Она мне все разрешает, считая, что это разовьет во мне чувство ответственности. Я должен, как считает она, все узнать о жизни сам. Но мне в конце концов всего 16 лет. Когда я пытаюсь ей спокойно объяснить, что она — не похожа на настоящую мать, что она ведет себя как какая-нибудь моя подруга, а я хочу мать, она мне неизменно отвечает: «Но чего же ты хочешь? Ты имеешь все, чего ты хочешь. Когда я была в твоём возрасте, у меня не было никаких прав». И тут я не выдерживаю, я готов ее убить...»

Диалог глухих: родителей, полных лучших чувств, но неспособных справиться со своей ролью, и детей, которые требуют детских прав. Детских, а не взрослых. Права делать глупости и быть за это отшлепанными. Потому что даже сегодня позволить дать себе нагоняй — это привилегия детей. Еще право — не быть взрослым для своей матери. Дети стремятся освободиться от слишком крепких, удушающих связей и страдают от того, что не имеют иного средства выражения своих ощущений, кроме такой вот жестокости.

«Мой сын в армии. Он мне не пишет. Это молчание ужасно. Гораздо ужаснее, чем синяки. В конце концов я живу для него. Трудно говорить об этом, но в его поведении была любовь», — это говорит мама-жертва.

Перевел с французского
П. ПОНОМАРЕВ

АНАТОМИЯ СЛУХОВ

Жан-Ноэль КАПФЕРЕ,
французский психосоциолог

В 1978 году несколько известных фирм США оказались перед угрозой краха из-за ... слухов. О том, например, что значительная часть их капитала находится в руках сатанинской секты Муна, что они в сговоре с дьяволом и т.п., создаваемый десятилетиями авторитет фирм падал в глазах набожных американцев не по дням, а по часам.

Источник слухов вскоре был найден: им оказались фундаменталистские религиозные общины, распространенные на юге США. Их пасторы, говоря в своих проповедях об опасности самого существования этих фирм и компаний, в качестве «доказательства» приводили «расшифровку» эмблемы той или иной фирмы. Так, на эмблеме, производящей стиральные порошки «Проктер энд Гэмбл», изображено властное лицо старика в форме серпа луны, обращенное к звездам, их насчитывается 13 по числу 13 американских штатов, имевшихся в конце XIX века, когда эта эмблема и была создана. Серповидная луна, по мнению пасторов, — намек на секту Муна и на его основателя, воплощение антихриста. Дьявольский умысел виден и в том, что звезды на эмблеме расположены в форме цифры 666, числа сатаны согласно интерпретации стиха из главы 13 Книги Откровений. Чепуха? Конечно, однако победить в борьбе со слухами мощной фирме не удалось. В апреле 1985 года она убрала с этикеток всей производимой продукции эмблему, существовавшую со времени ее основания.

12 октября 1969 года руководителю детройтской частной радиостанции, специализирующейся в области поп-музыки, позвонил неизвестный, сообщивший о своем «открытии». Если прокрутить композицию «Битлз» «Революция N 9» наоборот, можно услышать, что слова «номер 9, номер 9, номер 9» звучат как «возбуди меня, мертвец». И еще: в конце песни «Strawberry fields» на диске «Magical Mystery Tour», если прислушаться и убрать шумы, можно услышать, как Джон Леннон шепчет: «Я похоронил Пола». По мнению звонившего, его «открытие» как-то связано с тем, что вот уже в течение долгого времени Пол Маккартни не появляется на публике. Разговор с неизвестным шел в прямом эфире.

Два дня спустя после этой передачи газета «Мичиган дейли» вышла с заголовком «Маккартни умер: есть новые свидетельства» на первой полосе. В сенсационной статье приводились «неопровержимые» доказательства того, что Пол Маккартни погиб в автомобильной катастрофе в начале ноября 1966 года после записи в студии EMI, уйдя оттуда в подавленном состоянии. Статья была подкреплена многочисленными «фактами». Вот некоторые из них: на внутренней обложке альбома «Sergeant Pepper» на рукаве Маккартни виден значок с буквами ОРД, что означает «официально объявлен мертвым». На обороте обложки все музыканты сняты анфас, кроме Пола. На диске «Abbey Road» Джон Леннон снят в одежде священника, Ринго Стар — в черном, как служащий похо-

ронного бюро, Харрисон одет якобы как копатель могил. Что касается Пола Маккартни, то он переходит улицу босиком, а каждому известно, что по тибетским обычаям мертвецов хоронят босыми. Более того, регистрационный номер автомобиля марки «фольксваген», стоящего у тротуара, — «281F», то есть возраст Пола Маккартни, «если» бы он был жив (по-английский «if» означает «если»).

Этого было вполне достаточно, чтобы слух стал достоянием общест-венности. «Новость» внесла смятение в ряды поклонников «Битлз». На самом деле Маккартни мертв? В течение нескольких месяцев вопрос оставался открытым. Слухи не утихли даже когда в журнале «Лайф» с опровержением выступил сам Маккартни. Стали говорить, что это его двойник. Больше того, на оборотной стороне страницы с фотографией Пола обнаружили рекламу автомобиля, который, если смотреть на свет, отсекал его голову. Опро-вержение только подогрело ажиотаж, подтвердив еще одну закономерность распространения слухов: полная информация — враг слухов, недостаточная, урезанная — благодатная почва для них.

Механизм распространения слухов «запускается» в большинстве случаев каким-либо событием. Оно привлекает внимание определенной группы людей; последовательно передавая информацию об этом событии от одного к другому, группа стремится воссоздать целостную картину из отдельных кусков. Чем больше элементов отсутствует, тем больше

эта картина дополняется воображением. В конечном счете выбирается наиболее подходящий вариант трактовки происшедшего, который в дальнейшем считается бесспорным, об остальных уже и не вспоминают.

Нередко в основе слуха лежит вполне достоверный факт, увиденный «своими глазами». Казалось бы, о какой свободе фантазии может идти речь в данном случае. И тем не менее криминологи и юристы давно учитывают, что мы явно переоцениваем наши способности к восприятию фактов. Многочисленные лабораторные опыты недвусмысленно подтвердили это.

Например, один из основателей судебной психологии Клапаред провел такой эксперимент: на следующий день после знаменитого карнавала, проводимого ежегодно в Женеве, незнакомец в маске ворвался в аудиторию, где Клапаред вел занятия со студентами по судебной психологии. Человек начал жестиковать и произносить невнятно какие-то слова. Клапаред выставил его за дверь. Инцидент продолжался не более 20 секунд.

Клапаред немедленно задал каждому студенту 11 вопросов: в среднем правильных ответов было меньше половины. Более того, расхождения в ответах были очень значительными. Незнакомец был одет в длинную блузу серого цвета, темные брюки, почти невидимые под длинной блузой. Белые перчатки и светло-коричневый с белым шарф вокруг шеи дополняли его костюм. Волосы были спрятаны под фетровой шляпой. В одной руке незнакомец держал трость, в другой — трубку. Большинство студентов указали на четыре предмета одежды: блузу, палку, шляпу и шарф. Некоторые считали, что шляпа была соломенной, другие, что это был цилиндр. Одни говорили, что брюки были в клетку, а о цвете волос: и черный, и каштановый, и белокурый, и седой. Большинство доказывали, что шарф был красный, что человек был без перчаток и т.д.

Клапаред был одним из первых, кто доказал, что свидетели дают показания, больше исходя из степени вероятности, чем из того, что они заметили. Так, беспорядок, произведенный ворвавшимся в аудиторию человеком, мог исходить только от анархиста, следовательно, шарф, если он его носит, может быть красного цвета.

Ж. Дюранден, специалист по изучению ложных показаний, таким образом подытоживает результаты разных экспериментов: абсолютно точное свидетельство является исключением, свидетели дают ложные показания с той же уверенностью, что и верные, будучи в одинаковой степени искренними, то, о чем мы заявляем, зачастую отражает скорее

стереотипы нашего мышления, чем увиденное на самом деле, следовательно, если несколько свидетельских показаний совпадает, это необязательно означает, что они верны. Это может означать, что несколько свидетелей в силу одинаковости стереотипов мышления восприняли факты идентично и тем не менее ошибочно.

Очевидно, что эти выводы имеют прямое отношение и к механизму возникновения слухов.

Наша приверженность к мифам в реальной жизни объясняет регулярное и непредвиденное возникновение слухов, именуемых «назидательными историями» или «городскими легендами». Эти истории рассказываются как нравоучительные мини-сказки, и их появление не связано с каким-нибудь конкретным случаем. Так, в июле 1982 года женщины Виттенгейма пришли в волнение: в супермаркете «Кора» маленького ребенка якобы укусила змея, выползшая из связки бананов, ребенок умер в больнице. Супермаркет, один из немногих, имевших комнату матери и ребенка, опустел.

Постепенно слух превращается в легенду, которая медленно странствует из одного города в другой. Время от времени очередной рассказчик придает этой истории «современный» оттенок: «Да, я знаю, это произошло в супермаркете этим летом!»

Самое удивительное то, с каким упорством рождаются и возрождаются «назидательные истории». Даже если любая из них, как и всякая легенда, является деформированным отражением факта, действительно имевшего место, почему коллективная память так долго хранит ее? Какие скрытые истины несет она в себе? Жители Нью-Йорка, например, убеждены, что водостоки города кишат аллигаторами. Каким образом они оказались в этих местах? По слухам, некая семья привезла маленьких аллигаторов из Флориды, но устав заниматься ими, решила избавиться от них и выпустить детенышей в канализацию. Питаясь отбросами и крысами, аллигаторы не только выжили, но и начали размножаться. Служба канализации неоднократно давала опровержение по поводу этого слуха. И хотя ни один канализационный рабочий ни разу не заявил о том, что он заметил аллигатора, подземные коммуникации города стали считаться джунглями, сулящими мрачное будущее городу.

Антрополог А. Колеман нашел в американской прессе за период с 1843 по 1973 год около 60 сенсационных сообщений о непредвиденных встречах с аллигаторами в самых неожиданных местах. Но только в единственной статье в «Нью-Йорк таймс» за

1935 год упоминается в этой связи канализационная труба в Манхэттене. За 50 с лишним лет этот случай превратился в легенду, поражающую воображение людей, навсегда загипнотизированных тайной существования подземного мира. Более того, на закате века в городе-гиганте этому слуху придается мистическое значение.

Именно жизнестойкостью блуждающих мифов объясняется постоянное появление таких слухов, как, например, о призраке «голосующего» на дорогах. В мае 1982 года в Вандее вдруг заговорили о монахе, останавливающем проходящие машины с просьбой подвезти. Вариант рассказа оставался неизменно одним и тем же: это происходило вечером или ночью. Водитель машины останавливался, монах садился на заднее сиденье, при этом бормотал что-то, похожее на пророчества: «Лето будет жарким, осень обогрится кровью». Заинтригованный водитель автомобиля или сидящий впереди пассажир оборачивался, но сзади уже никого не было. Озадаченные автомобилисты обращались в дорожную полицию, где узнавали, что они не единственные, с кем такое случилось.

Проведенное расследование показало, что никто не обращался в полицию, более того, водители, якобы подвозившие странного пассажира, оказывались лишь промежуточным звеном. Историю эту они слышали от кого-то другого. Во всей этой истории правда только то, что монахи есть во Франции, в том числе и в Вандее. Слух же о монахе, пророчествующем в автомобилях, вписывается в категорию историй, хорошо известных специалистам фольклора: монах-призрак, бродящий по дорогам. Несколько столетий тому назад та же история распространялась повсюду — от церковного прихода до таверны, только вместо автомашины тогда фигурировал фиакр.

Странно, конечно, что в эпоху изобилия и свободы информации продолжает, как и многие столетия назад, жить ее «черный рынок». Но таков человек и общество, которое он создает: темы слухов неизменно отражают климат в обществе, а слух — попытка переложить на кого-то или на что-то коллективное недовольство, недоверие, неприязнь, наконец, страх. Словом, если слух распространяется, значит, это кому-то нужно. И чем больше этих «кому-то», тем охотнее верится в самые невероятные небылицы.

Перевела с французского Н. ЛИНЦ

Один средневековый схоласт задал вопрос: можно ли определить ад как испытание страшным холодом, чередующимся со столь же ужасным зноем? Среди его доводов был следующий: раз при переходе из одной невыносимой температуры в другую, прямо ей противоположную, вы испытываете мгновение блаженства, правильно ли будет считать это адом?

Как бы в ответ на этот вопрос в современном американском доме используется тот же самый эффект. Летом на Среднем Западе температура на улице достигает сорока градусов тепла, а относительная влажность — ста процентов. Но в помещении всегда холодно, как в мясном магазине. Зимой температура воздуха может опускаться до десяти градусов ниже нуля, а в доме она поднимается до тридцати градусов тепла. Вообразите себя закутанным в шубу, входящим в сауну.

А действуют американцы по принципу, что температура в помещении считается подходящей, если вы можете в нем носить одежду, прямо противоположную той, которая соответствует сезону. Когда снаружи холодно, дома вы ходите в майке и шортах. Если же на улице жара и трава на газонах побурела от зноя, то в помещении вам будет комфортно в толстом шерстяном свитере.

Именно поэтому президент Джимми Картер создал себе много проблем однажды зимой, предложив каждому американцу в целях экономии электроэнергии позаботиться о том, чтобы термометр в его доме показывал температуру в двадцать градусов. Казалось бы, это наиболее приятная температура. Но американцы так не думают. С таким же успехом Картер мог объяснить им, что для того, чтобы сохранить жизненно необходимые запасы фруктов, они не должны есть свой любимый яблочный пирог.

«Заходи сюда, здесь прохла-а-дно» — такая вывеска на дверях кинотеатров очень популярна в летнее время, а лето здесь, в отличие от Европы, самый бурный период для кинопроката. Холод — одно из основных развлечений летом, поэтому люди берут с собою в кино свитеры, особенно если на улице градусов тридцать пять. Не говоря уже о том, что в противном случае они бы сидели на своих местах, стуча в темноте зубами.

Я думаю, одержимость переворачивать температуру на свой лад говорит нам кое-что о Соединенных Штатах. Подозреваю, эта страсть связана с элементарным страхом американцев чего-либо недополучить от жизни. Для людей, которые пришли на сей изобильный континент, и их сегодняшних потомков просто избежать нищеты и го-

НА СТО ПРОЦЕНТОВ ПО-АМЕРИКАНСКИ

Саймон ХОГАРТ,
английский журналист

лода было бы недостаточно. Конечно, в Соединенных Штатах много бедных людей, и их можно встретить на каждом углу в центре большинства крупных городов. Но они также разделяют «американскую мечту»: когда-нибудь у них будет много всего — гораздо больше, чем нужно, включая пищу и тепло. Где-то за скорбным криком «Господи, помоги!» возвышается Большая Гора Денег и Лакомств.

Однажды, истратив последние 25 центов в деловой части Вашингтона, я заорал на очередного попрошайку: «У меня больше ничего нет, черт возьми!» Он просиял улыбкой и сказал: «Что ж, во всяком случае дай вам Бог счастья!» Разумеется, в следующий раз, проходя мимо него, я дал ему 75 центов.

В Великобритании даже средние классы приветствуют некоторую небрежность в домашнем интерьере. «Здесь как будто не живут», — говорим мы о слишком чистом и изысканном доме. — Им придется сковать детей цепями, чтобы сохранять такой порядок». В Соединенных Штатах все иначе. Дом — это выше отражение, и оно должно быть самым совер-

шенством, когда к вам придут гости. Беспорядок в доме столь же недопустим, как если бы вы пошли на важную встречу с яичным пятном на вашем галстуке.

Американцы ужасно вежливы. Однако весь мир склонен думать, что они не такие. Судя по некоторым кинокартинам, когда один американец встречает другого, наверняка должно случиться одно из двух. Вариант первый. Американец кричит: «Ага, вот и ты! Здорово, малыш, здорово, старина, ах ты, сукин сын!» — дружески похлопывая того по плечу. Или (вариант второй) он его убивает.

Само собой разумеется, второй случай более обычен, чем первый. Но ни то, ни другое в США не распространено. Большинство американцев, встречаясь, обращаются друг с другом так, что это пришлось бы по вкусу церемониймейстеру на императорских похоронах в Японии.

Предположим, вы видите на улице своего старого друга. Он разговаривает с двумя людьми, которых вы не знаете. Вы машете ему рукой и подходите. Происходит следующий разговор

ВАШ ДРУГ: Саймон, я рад тебя видеть. Я хотел бы познакомиться тебя с Элом и Фрэнком

ЭЛ: Мне очень приятно познакомиться с вами, Саймон.

ВЫ: Я очень рад познакомиться с вами, Эл.

ФРЭНК: Я счастлив с вами познакомиться, Саймон

ВЫ: А я просто восхищен, что встретил вас, Фрэнк.

ВАШ ДРУГ: Как поживает твоя жена, Саймон?

ВЫ: Все в порядке. Забавно, что ты об этом спросил. У нас в доме сейчас начался пожар, и она с детьми оказалась в ловушке на втором этаже. Еще более забавно, что наш телефон не работает. И вот я иду позвонить в службу пожарной охраны от соседа. Надеюсь, что это не займет много времени

ВАШ ДРУГ: Ну что же, в таком случае, я думаю, мы не будем тебя больше задерживать! Надеюсь, что все обойдется!

ЭЛ: Очень приятно было познакомиться, Саймон

И так далее, и тому подобное. К концу этого обмена любезностями вам пожали руку шесть раз — по разу каждый, здороваясь и прощаясь.

Приезжие иностранцы, считая, что американцы «небрежны», ошибаются. Например, после любой дружеской встречи непременно надо попрощаться с каждым уходящим гостем, добавляя, что знакомство с ним было для вас самым приятным моментом в вашей жизни, — даже если за весь вечер вы не сказали друг другу ни единого слова.

Американцы — люди непринужденные, но их правила неофициального этикета такие же надуманные, как и те, которые используются среди представителей дипломатического корпуса. В Англии склонны думать, что «непринужденный» означает «раскованный». Но в США, чтобы выглядеть непринужденным, надо поднапрячься. Если вы зашли к кому-нибудь на минутку, то фразу «Как поживаете?» придется произнести с огромным воодушевлением, которое означает, что ваша встреча — самое восхитительное событие в истории человечества с тех пор, как Данте присвистнул от восторга, впервые увидев Беатриче.

Когда американцы встречаются за границей или даже в Америке, если они незнакомы, им надо пройти через следующий ритуал, тоже входящий в кодекс правил хорошего тона. Этот ритуал, один из наиболее распространенных способов знакомства, можно назвать Географической Связью.

НЕКТО А: Вы из каких краев?

НЕКТО Б: Мы из Дейтона, Огайо.

А: Вот как? Знаете ли, у моего мужа Эверетта есть двоюродный брат — да, младший двоюродный брат, — который живет в Цинциннати, Огайо.

Б: О, я был в Цинциннати всего лишь месяца два назад!

А: Вы были там?! Мне бы очень хотелось вспомнить, как зовут моего кузена... ну да, я думаю, он переехал в Анкоридж или, может быть, в Майами?

Но все это уже не имеет значения, поскольку Географическая Связь доказана и по этому поводу сделано несколько утчивых замечаний.

Американцы страстно любят делать покупки. В тех местах, где другие страны ставят статуи, они сооружают шоппы. Это первое, что видят толпы туристов — горделивые символы американского величия. В Вашингтоне главная достопримечательность — торговые витрины. Капитолий идет под вторым номером. Едва оказавшись внутри супермаркета, вы повсюду видите длинные очереди «Подожди минутку, — говорите вы себе, — это все-таки не московский ГУМ, где люди отстаивают пятичасовые очереди». И вы правы. Здесь очень много товаров. И все они вокруг вас. Если бы вам захотелось вынести отсюда микроволновую печь, никто на вас не обратил бы внимания. Разве что вас обнаружила бы электронная охрана.

Почему же очереди? Дело в том, что эти очереди... за продавцами. В России избыток людей, могущих продавать товары, но нет товаров. В Америке же избыток товаров, но не хватает людей, которые могли бы их продавать. Даже если вы дождались продавца, вы потратите еще 15 минут, чтобы купить какую-нибудь ерунду. Продавцу для

осуществления торговой операции приходится подбирать нужный электронный код. Говоря без преувеличения, эти коды длиннее, чем те, которые необходимы, чтобы запустить ракету с ядерными боеголовками. После подбора нужного кода можно расплатиться кредитной карточкой.

Продавец загружает пластиковую карточку в маленькую машину, связанную с компьютерной линией. Один компьютер посылает поток электронных сигналов в другой, и если эти сигналы совпадают с теми, которые возвращаются обратно, пушистый спортивный свитер от Гарфилда — ваш.

Если электронные импульсы не совпадают, то ваша карточка бракуется. Продавец в магазине прошепчет вам об этом очень осторожно, прямо как поверенный вашего богатого австралийского дядюшки, сообщающий, что дядюшка скончался, не оставив вам никакого наследства.

Фирменные магазины Ральфа Лорена — прекрасный пример английского стиля в Америке. Реклама Лорена показывает нам до невозможности благородных молодых мужчин и женщин, прогуливающихся около величественных зданий в своих твидовых костюмах цвета вереска и различных шерстяных одеяниях, не знающих износа. Однако мы знаем то, что им неизвестно, а именно: высокопоставленные особы в Великобритании считают модную дорогую одежду признаком изнеженности или принадлежности к другой нации. Во всяком случае, настоящие аристократы предпочитают старую одежду. Если она устраивала вашего прапрадедушку, то и для вас вполне хороша.

Одно из правил «вычисления» престижной торговой точки следующее: чем меньше товаров на витрине, тем шикарнее должен быть шоп. В Нью-Йорке и Лос-Анджелесе, в районах побогаче, легко найти такие престижные лавки: их витрины, например, заняты множеством экземпляров одного и того же свитера. Но поскольку он стоит 3 тысячи долларов, то этого вполне достаточно. Внутри полки почти пустые. В Палм-Бич, где даже пожарные гидранты покрыты хромом, считается, что нет ничего более пошлого, чем ценники, чрезвычайно уродующие вид товаров.

Продовольственные шоппы — предмет гордости Америки. Самый колоссальный бакалейно-гастрономический шоп, который я когда-либо видел, был в Пэйдже, Аризона. Пэйдж — маленький городок посреди миллионов акров песка и чаклого кустарника. Полки с хлебом длиною с футбольное поле. Девяносто семь различных видов кефира. Французских вин больше, чем можно себе представить в каком-нибудь французском магазине. Груды свежих морских продуктов в тысяче миль от моря. Огромные, ошеломляющие башни еды, утесы из апельсинов, насыпи из дынь, откосы из спаржи — все холодное и свежее, благодаря нещадному кондиционированию воздуха и использованию установок искусственных освежителей, имеющихся здесь в громадном количестве.

Во всем мире люди, живущие в пустыне, приспособились к жестоким условиям жизни, живя в палатках, чтобы иметь возможность легко перебраться туда, где есть вода. Они умеют беречь еду и питье. У них скудный стол. Америка — единственная страна на планете, где обитатели пустынь верят, что имеют право жить точно так же, как в центре большого благоустроенного города.

Перевела с английского Марина БЕЛОВА

●

В шестидесятые годы, эпоху хиппи, многие элементы восточной культуры стали входить в моду на Западе: йога, буддизм, намасутра. Как раз тогда западный мир познакомился и с медитацией. Отстранение от окружающей действительности, уход в себя, полное расслабление, транс,— все это вполне соответствовало философии хиппи — уход от общества и от нас от его ценностей,— и поэтому очень скоро медитация стала одним из символов этого движения.

Человеку свойственно преувеличивать. С десятилетиями медитация обросла легендами о чудодейственных возможностях и из обыкновенного психотерапевтического средства превратилась в некую всемирную панацею от бед человечества. Так по крайней мере утверждают сами медитаторы, представляя медитацию как вселенский инструмент для изменения «психологического облика планеты».

Все эти десятилетия признанным отцом Трансцендентальной медитации является Махариши Махеш Йоги. Кто он такой? Предлагаем вам его портрет, написанный американским журналистом Дэйвидом Френдом.

МАХАРИШИ

Дэйвид ФРЕНД,
американский журналист

Представьте картину: монастырь в голландской провинции в знойный августовский полдень. Окно открыто настежь, во дворе плещет фонтан. Осы и стрекозы влетают и вылетают сквозь дымок фимиама, курящегося в урне, стоящей на подоконнике.

Визитер ждет Махариши. Ждать кого бы то ни было — дело утомительное, но ожидание Махариши — особый случай. Святой опаздывает, и это на него очень похоже. К настоящему моменту он опаздывает уже на два часа. Для вселенского сознания, по-видимому, время не имеет никакого значения.

Тянется время, гудят осы. Проходит еще час, и появляется послушник в деловом костюме с блаженной улыбкой на лице и имбирным пивом и видеокассетой в руках. Он вставляет видеокассету в видеомаягнитофон, и его пресвященство, словно волшебник изумрудного города, возникает в свечении лучей на экране. Махариши Махеш Йоги (имя означает Великий Пророк Разрушитель Невежества) — маленький человечек, чуть больше полутора метров ростом, с лицом свежим, как персик. Если бы не лысина и борода, белым водопадом спадающая на грудь, он мог бы сойти за человека в два раза моложе. Некоторые говорят, что ему 79, другие — что 72. Его голос высок и звонок, почти как у подростка.

«Делай меньше, достигнешь боль-

шего», говорит он с нежной певучестью с видеокассеты. — Не делай ничего и достигнешь всего. Твоя мысль станет как легкий ветерок». Потом он хихикает, словно сказал шутку, которую только он и небо в состоянии оценить. На самом деле все, что он говорит, напоминает реплики грача Гонзо из «Маллет-Шоу». Но в нем есть какая-то гипнотизирующая сила, странным образом заряжающая энергию.

«Мы несколько раз напоминали о том, что вы пришли, — извиняется мистер Чопра, хорошо одетый врач из Бостона, являющийся самым известным пропагандистом медитации в США, — но учитель все еще не способен осознать, что вы его ждете. Сейчас он всецело занят другими делами. Когда же он будет с вами, он сфокусирует все свое внимание на вас». После чего мистер Чопра делает предложение. «Пока мы ждем, давайте помедитируем?» Он закрывает глаза. Тянется время, гудят осы, посетителя охватывает ощущение, что он попал в ловушку времени, 60-е вернулись и словно застыли.

Тишина. Непосвященного вводят в

зал, где под четырьмя золотыми подсвечниками сидят без движения 100 учеников. На одной из стен висят схемы-карты путей сознания с озадачивающими непосвященного стрелочками. На возвышении, окруженный розами и дюжиной близких учеников в костюмах и галстуках, на скамеечке, обтянутой желтым шелком, сидит, улыбаясь, Махариши. В правой руке он держит розу, напротив — связка микрофонов.

С ляляющим индийским акцентом Махариши начинает говорить: «Я вижу цветок, он воздействует на мое сознание. Видение вытесняет мысль, трансформирует мысль в видение». Он говорит о блаженстве плавания в море сознания. Его голова качается, как кувшинка на поверхности пруда. Он делает паузу и — по его уверениям — переносится во времени на 10 тысяч лет вперед, когда все человечество займется медитацией. «В будущем узкие границы патриотизма исчезнут. Даже сон станет таким творчески активным, что не будет отличаться от бодрствования».

Он действительно утверждает, что способен увидеть то, что случится в сто двадцатом веке. Я в растерянности: с таким же успехом во времена не-

олита можно было бы предсказать появление телефакса. Но Махариши невозмутимо сидит с розой, покачивающейся в руке, и пока интонация его голоса то поднимается, то опускается, логика отступает. Слушатель загнипнотизирован. Стоит послушать его часок, и поверишь во все, что угодно.

Кто он, этот святой, и почему он все время улыбается? Большинство из нас запомнило Махариши как духовного наставника «Битлз», который убедил Джона, Пола, Джорджа и Ринго отправиться в Гималаи на поиск «самадхи», некоего истинного смысла жизни. «Самадху» они не нашли, зато в их музыке появились новые ноты. И слава богу.

В 60-е и 70-е он был известен как гуру Трансцендентальной медитации, обещавшей (за определенную плату) внутреннюю гармонию. Потом без всякого предупреждения Махариши исчез из виду, вернулся в Индию и стал вести уединенную жизнь в поместье, занимающем 700 акров угодий.

Но сегодня он вдруг вернулся, и его соратники утверждают, что он могущественнее, чем когда-либо. Из Индии он переехал в Голландию и теперь занят наступлением на западный рынок, внедряя нирвану в качестве товара массового спроса.

Почему бы и нет? Судостроительные магнаты Японии занимаются Т. М. (Трансцендентальной медитацией). И торговцы в Иране, министры в Чехо-Словакии, конгрессмены в Вашингтоне, аппаратчики в Москве.

Если верить сторонникам Т. М., именно благодаря усилиям Махариши объединилась Германия, и очень скоро ему вручат Нобелевскую премию мира.

Штат добровольных помощников в 25 тысяч человек обслуживает международный духовный конгломерат, стоимость (материальная) которого составляет 3 миллиарда долларов. Он владеет сетью курортов с минеральными источниками, проявляя заботу не только об очищении души, но и желудков. Он строит 50 жилых массивов, где смогут жить в гармонии с собой его последователи. Обратившись в торговое агентство «Веда», покупатель имеет возможность приобрести кассету с музыкой для йоги, чай из целебных трав и минеральную воду «Гималайское блаженство». На 1993 год намечено открытие «Ведаленда», увеселительного парка на 480 акрах земли рядом с «Дисней Уорлдом», строительство парка обойдется в 800 миллионов долларов.

Биографические сведения о Махариши смутны. Как гласит легенда, свое земное существование он начал под именем Дж. Н. Шривастава в семье скромного учителя в Джабалпуре, в центральной Индии. Побаловавшись физикой в Аллахабадском университете, будущий пророк отпривился в

Гималаи, где 13 лет был учеником известного йога Гуру Дева. В 1958 году Махариши «вышел из пещеры», как говорит он сам, и стал пропагандировать прежде тайную технику Трансцендентальной медитации в качестве средства лечения социальных болезней современного общества. В США он собрал вокруг себя массы слушателей и посреди кукурузного поля в штате Айова разбил лагерь, который назвал Международным университетом Махариши. А в середине 70-х, когда интерес к медитации начал спадать, внедрил левитацию, то есть прыжки из позы лотоса, развивающие в человеке жизнелюбие.

С тех пор о нем было мало что слышно вплоть до прошлого лета. В один прекрасный июньский день с двадцатью послушниками он вдруг прилетел в Голландию и обосновался в монастыре из красного кирпича, стоящем на опушке леса неподалеку от германской границы. Из этой крепости с ее неоготической башней с часами и желтыми сводами Махариши осуществляет руководство тем, что, по его мнению, спасет человеческую расу — то есть превращением Т. М. в товар массового спроса.

А визитер по-прежнему ждет. Теперь он сидит в комнате с шафрановыми стенами, рядом с покоями самого Махариши. Время от времени о шагах пророка с уважением сообщается визитеру. То у него встреча с европейскими лидерами Т. М. То он планирует научную конференцию с участием принца Николауса Блюхера фон Вахльштатта. То он читает лекцию. И всегда его сопровождает команда видеооператоров. Чтобы ни одна жемчужина, падающая из его уст, не пропала даром, вся жизнь Махариши записывается на пленку. (Жаль, что во времена Христа не было видеокамер.)

Махариши обслуживают три послушника в белых костюмах, и он вытягивает из них все силы. Говорят, что он спит лишь по 4 часа в сутки, но никто со времен администрации Эйзенхауэра ни разу не видел его усталым. Еще говорят, что он почти ничего не ест. Правда, очень любит швейцарский шоколад.

Наконец Махариши появляется. Кивая толпе почитателей, он проходит через комнату и усаживается на белый диванчик, окруженный цветами. Муха с гудением пролетает у его лица. Он мягко отмахивается от нее розой, которую держит в руке. После чего он обращает внимательный взгляд на журналиста. Это сигнал, означающий, что можно начинать интервью.

ВОПРОС: Мы живем в век рынка, С вашей минеральной водой, музыкальными кассетами и прочим не занимаетесь ли вы созданием рынка для будущего рая?

ОТВЕТ: Мы должны воздействовать на людей теми методами, к которым

Ровесник 10'91

они привыкли... Наша надежда, наш мировой план, — создать рай на земле еще при нынешнем поколении.

ВОПРОС: Похоже, что вы в курсе мировых событий. Откуда вы получаете информацию? Си-эн-эн?

ОТВЕТ (смеется): Я не читаю газет. То, что мне нужно знать, приходит само собой в чьем-нибудь слове, в чьей-то мысли.

ВОПРОС: А книги вы читаете?

ОТВЕТ: О, нет. Такая трата времени.

ВОПРОС: А журналы?

ОТВЕТ: Они меня не интересуют.

ВОПРОС: Когда-то вы сказали, что сделали для установления мира больше, чем Горбачев. Не самонадеянно ли это?

ОТВЕТ: У всего в мире есть свое место. Солнце светит днем, а луна и звезды — ночью. Сравнивать — неблагоприятное занятие. Чтобы перетаскать крупицу сахарного песка, достаточно силы муравья. В жизни так устроено: муравей — здесь, слон — там, и оба — тут. Поэтому не нужно говорить: «Яблоко хорошо, а гуава — лучше». (Смеется.)

ВОПРОС: Вот вы все время смеетесь. Какая самая хорошая шутка, которую вы слышали в последнее время?

ОТВЕТ (смеется): Любая мысль приближает человека к небу. Каждый шаг — ближе и ближе. Счастье становится больше. Счастье — во всем.

Махариши уезжает на темно-синем «мерседесе». На закате его должны сфотографировать на берегу пруда. Проезжая, он смотрит из окна на кучки последователей, сидящих здесь и там на складных стульчиках и просто на траве, подложив под себя ноги. Время медитации.

Красная коврая дорожка пролегла по траве. Опираясь на руку послушника, Махариши идет к берегу пруда. С трудом садится на желтую ителковую подушку.

Фотограф фотографирует. Глядя на фотоаппарат, Махариши придумывает очередную метафору. «Творение есть лишь фотография сознания. Здания, деревья — все отражается в воде. Но движение сознания...» Он поднимает тонкий указательный палец — Оно невидимо линзам.

Солнце садится у него за спиной. Махариши хихикает. Он с удовольствием смотрит на последние лучи, которые создают над его головой естественный нимб.

Перевел с английского
В СИМОНОВ

THE REPLACEMENTS

М

«MC5» (сокращение от «Motor City Five», т.е. «Пятерка из автомобильной столицы»), группа образовалась в 1967 г. в Детройте, США.

Состав: Роб Тайнер, вок.; Уэйн Креймер, гит.; Фред «Сонни» Смит, гит.; Майкл Дэвис, бас; Деннис Томпсон, уд.

Некоторые муз. обозреватели классифицируют «MC5» как «первую группу 60-х, которая триумфально вошла в 70-е» — жесткое хард-роковое звучание квинтета и недвусмысленные тексты с акцентом на «анти-истеблишмент» во многом предопределили стилистику не только панк-рока, но и современного «металла». Сейчас это может показаться странным, но музыканты «MC5» искренне верили, что рок-н-ролл способен изменить мир и человечество к лучшему.

Члены группы познакомились еще в школе, и к концу 1967 г. «MC5» стали своего рода рупором и проводником идей Джона Синклера, лидера радикальной партии «Белые пантеры». Первые выступления квинтета производили настоящий фурор: задник сцены драпировался американским флагом, а во время концертов музыканты демонстрировали революционные позунги. В 1968 г. «MC5» отправились с Синклером в Чикаго и во время студенческих волнений выступали на центральной площади города.

Группа подписала контракт с фирмой Elektra, но дебютный альб., записанный «живьем» в Детройте (в паузах между вещами выступал с речью Синклер), изобилует настолько откровенными выражениями, что магазины грампластинок отказывались принимать его для продажи.

Подписав контракт с фирмой At antic, «MC5» выпустили второй альб., который продюсировал Джон Ландау (позже прославившийся своей работой с Брюсом Спрингстином). Критики высоко оценили эту пл., назвав ее лучшим хард-роковым альб. всех времен и народов, однако реализация диска шла очень плохо, и после выпуска третьего альб., ориентированного на джаз-рок, Atlantic расторгла контракт с группой. «MC5» отправились на гастроли в Англию, но после первого же концерта объявили о распаде.

Ф. Тайнер занялся фотографией и журналистикой (в 1977 г. он записал «соронапятку» с группой «Edd e And The Hot Rods»). Гитарист Ф. Смит исчез из поля зрения — он объявился лишь недавно, в качестве мужа Петти Смит, и сейчас работает в составе ее группы; его гитарные соло можно слышать на альб. «Dream Of Life». У. Креймер получил пять лет тюрьмы за продажу наркотиков; в 1982 г. он также выпустил «соронапятку». М. Дэвис тоже побывал в заключении и тоже записал несколько синглов. Барабанщик Д. Томпсон работал в составе группы «Destroy All Monsters» и с «New Order».

В 1981 г. фирма ROIR выпустила концертную подборку ранее не издававшихся вещей «MC5».

Пл.: Kick Out The Jams, 1969 (Live LP); Back In The USA, 1970; High Time, 1971; Babes In Arms, 1981 (Live — только на компакт-кассете).

Роб Тайнер соло: Let's Rock, 1977 (EP — с группой «Edd e And The Hot Rods»).

Уэйн Креймер соло: Rumbling Rose, 1982 (EP).

MEAT LOAF Митлоуф («Боров»), настоящее имя Марвин Ли Эдей. Родился 27 сентября 1948 г. в Далласе, США. Певец, актер, композитор.

Невозможно назвать точную дату, когда Марвин Ли Эдей взял себе сценический псевдоним «Боров», однако достоверно известно, что в 1966 г. он перебрался в Калифорнию, и его группа уже тогда называлась «Meat Loaf Soul And Porcom Bizard» — вплоть до самого распада в 1969 г. группа выступала в качестве «подогревателя» перед концертами «The Who», «Iggy And The Stooges», Джонни и Эдгара Уинтеров, Теда Ньюджента. Затем М. Л. получил роль во втором варианте бродвейского мюзикла «Волосы» и отправился с труппой на гастроли по Западному побережью. Мощный, очень красивого тембра голос и колоритная внешность (певец весит почти полтора центнера) привлекли внимание театральных и кино-продюсеров — М. Л. переехал в Нью-Йорк и успешно выступил в госпел-мюзикле «Радуга в Нью-Йорке», 1973 г. (чуть раньше он записал ритм-энд-блюзовый альб., который прошел незамеченным). А затем в его жизни появился Джим Стейнмен.

Дж. Стейнмен — профессиональный пианист, выпускник знаменитой музыкальной школы Джуллиард и нью-йоркской консерватории — еще в муз. школе организовал группу с весьма длинным названием «The Clitoris That Thought It Was A Puppy». Уже в консерватории он написал пьесу «Машина сновидений», по которой был снят нашумевший фильм унасов с М. Л. в главной роли (в это же время его пригласил Т. Ньюджент, и М. Л. исполнил вок. партии на одной стороне альб. «Free For All», 1978,

•Рок - Энциклопедия•

который вскоре стал «платиновым»). М. Л. прошел по конкурсу на роль в новом мюзикле Стейнмена «Больше, чем ты заслуживаешь» и был зачислен в труппу Американского театра сатиры. Музыкальный материал очередного мюзикла Стейнмена «Страна Никогда-Никогда» лег в основу альб. «Летучая мышь из ада» (продюсер Тодд Рандгрэн), который к концу 1977 г. стал «платиновым», а три сингла — «Paradise By The Dashboard Life», «Two Out Of The Three Ain't Bad» и «You Took The Words Right Out Of My Mouth» — заняли соответственно 39-е, 11-е и 18-е места в хит-параде США.

В результате успеха этого диска был переиздан первый альб. М. Л. — с его легкой руки Америку захлестнула вторая волна интереса и популярности в начале десятилетия мелодичному глэм-року. В 1978 г. он успешно снялся в фильме «Марафон по-американски», спустя год — в ленте «Роуди». Новый альб. М. Л. вышел в 1981 г.; он оказался не столь успешным, как предыдущий. К 1983 г. в творческом тандеме начались разногласия по поводу авторских прав.

Переориентация М. Л. на музыкальную и текстовую «готину» привлекла к нему интерес «тяжелых» изданий, и пл. певца теперь регулярно рецензируются в журналах, посвященных хард-хази метал-року. К началу 1984 г. у М. Л. возникли проблемы с голосом, он перенес несколько операций, однако полностью восстановил свои вок. способности, и его композиция «Современная девушка» заняла в национальном хит-параде 1-е место (в Англии она была на 17-м месте).

Вторая половина 80-х гг. ознаменовалась еще более заметным ужесточением свунда, что, впрочем, не шло в ущерб мелодичности композиций. В настоящее время певец вновь сотрудничает со Стейнменом, и по прогнозам новый альб. ожидается в конце этого — начале следующего года.

Пл.: Stoney And Meat Loaf, 1971 (в 1979 г. пл. была переиздана под названием Meat Loaf); Bat Out Of Hell, 1977; Dead Ringer, 1981; Midnight At The Lost And Found, 1983; Bad Attitude, 1984; Hits Out Of Hell, 1985 (сборник); Rock 'N' Roll Mercenaries, 1986 (mini-LP); Blind Before I Stop, 1986; Live, 1987 (Live LP, запись концерта на стадионе Уэмбли в начале 1987 г.); Superloafer, 1990 (2LP — сборник; только на компакт-дисках).

РЭР вне очереди

Мы уже рассказывали о германской группе «Kreator» в «РЭР», но, судя по читательским письмам, интерес к лидерам тектонского трэш-рока не ослабевает.

Последний на сегодняшний день альбом группы «Семь Огней» («Seven Of Seals») — результат работ музыкантов — отход от принципов трэш-метал дал основания для обвинений «Kreator» в «измене стилю». Что думают по этому поводу сами музыканты?

Почему трэш-метал должен обязательно ассоциироваться с однообразием и примитивом? — рассуждает лидер группы Милле Петроцца. — Конечно группа пытается сделать что-то новое, ее обязательно обвиняют в предательстве. Если фэны хотят, чтобы все трэш-группы звучали совершенно одинаково, что ж, это их право. В таком случае наше право обратиться к новой аудитории — это не значит, что мы не ценим наших поклонников, просто нам не по пути с теми, кто желает, чтобы музыка была только трэшем. В ней часть нашей души, а она пока еще не в коме.

Серьезное предупреждение, не так ли?

KREATOR

•Рок - Энциклопедия Ровесника•

КАК СТАТЬ ЗВЕЗДОЙ

(Практические советы)

Удо ЛИНДЕНБЕРГ,
немецкий музыкант

Родился я не в Гарлеме и не в Ливерпуле, как все нормальные звезды, а в городке Гронау в германской земле Вестфалия. Роды были о-о-очень трудными, по-другому звезды на белый свет и не появляются. Родители мои были людьми не особо бедными, но ни в коем случае нельзя сказать, что богатыми: было что в доме положить на зуб, но не более того. Мои предки — выходцы из Сицилии. По мне это заметно до сих пор. Каким-то таинственным образом через Голландию они попали в Германию. Впрочем, у сицилийцев все таинственно

но. Гронау расположился на реке Динкель, и есть в этом городишке тихая сонная Садовая улица, где и увидел белый свет малыш Удо. Улица простых людей, где все знают друг друга, и если в одном доме чихнут, из соседнего дома непременно крикнут: «Будь здоров!» Такой славный провинциальный городишко, который совершенно неинтересен Большому Миру, даже когда там рождается звезда. Жители Садовой имеют в пивнушке «У родника» свои именные кружки, а у хозяина можно брать пиво в долг до следующей полочки или до первого числа.

Городок наш просто создан для детей: кругом чистые леса, целых семь заводов для купания. И вообще вся местность необычайно живописна. Летом мы делали плоты из автомобильных камер и плавали вниз и вверх по Динке-

лю. Жизнь была бездонным мешком с тайнами. Мы играли в бандитов и шерифов, в разбойников и жандармов. Но самыми интересными были игры в шпионов, где главным действующим лицом был ваш покорный слуга.

Но потом в мою жизнь вошло то, что захватило меня больше, чем всякие игры в детективов. В мою жизнь из радиоприемников с громом и треском ворвался рок-н-ролл: Элвис Пресли, Билл Хейли, Литтл Ричард, Чак Берри. Никогда не забуду, как у меня зачесались, задержались руки. Мне показалось, что я должен стать барабанщиком. Про меня тогда говорили, что я не очень-то красивый ребенок, зато шумный.

За нашим домом был курятник, где я и завел себе первые ударные инструменты из ведер, которые избивал до плоского состояния. Моими слушателями были куры, и вскоре со страху они стали нести яйца какого-то странного зеленого цвета. А в школе ребята, завидев меня, орали: «Вон идет наш дятел!», потому что я без устали стучал, гремел и барабанил. Напротив нашего дома на Садовой был большой магазин, во дворе которого валялись пустые бочки из-под бензина. Вот до них я и дорывался: на них получались классные латиноамериканские ритмы. И вообще я барабанил на всем, что попадалось под руки: от цветочных ваз до пепельниц.

Старший брат знал местный диксигенд под названием «Олд тайм джаз бэнд», и мы отправились туда. Когда я услышал, как ребята играют, то решил, что умру на месте, если они не дадут поиграть и мне. Ну, они разрешили. С красными оттопыренными ушами я уселся к ударным и начал выбивать, выколачивать свою душу. Игра моя сразила всех наповал. Ребята сказали, что мои ритмы — полный отпад, и тут же предложили мне работать с ними. Их ударник все равно собирался переключиться на банджо, так что вопрос о моей первой работе решился положительно и в спешном порядке. Так и появился в оркестре гном-ударник в коротких штанишках, которого было едва видно из-за басового барабана. Публика рыдала и плакала. Обо мне стали говорить, что я духовный брат Моцарта и что я вундеркинд. Из-за того что я был еще чертовски маленьким, мне разрешалось играть только до 10 часов, а потом меня менял ночной ударник. Давясь слезами, я уходил за кулисы. Все музыканты ведрами пили пиво и пропускали по рюмочке, а мне давали плитку шоколада. Отец иногда говорил: «Ну-ка, сынок, дай жару сегодня в концовке, чтобы я гордился тобой!» Мой успех был очень важен для него, потому что он сам когда-то хотел стать музыкантом, дирижером вроде, точно не помню. А я, выходяло, осуществил за него его мечту. Я уже начал понимать, насколько приятнее жить на белом свете, будучи звездой, ну хотя бы в отношении женщин. Другие парни были и постарше, чем я, и прыщей на их мордах было меньше, а сердца первых красавиц Гронау были отданы мне.

Как-то в школе я сказал, что стану самым знаменитым в мире ударником, у меня будут золотые машины, клозет мой будет украшен бриллиантами, а голливудские красавицы будут осаждать мой дворец в Санта Монике. Ребята были уверены: Удо пойдет в гору. Мне казалось, что будущая знаменитость должна как можно раньше начать упражняться в предмете «крикливость и наглость», чтобы и впоследствии, не задумываясь, позволять себе то, что не решаются сделать простые смертные, служить как бы компенсацией для других людей, которые мечтают что-то совершить, но смелости на то у них не хватает. Поп-звезда может позволить себе роскошь не считаться с обществом и чем громче себя будет вести, тем больше будет его слава, тем больше ему будут платить.

Когда мне исполнилось 14 лет, весь город уже меня знал: я успел получить первую премию на джазовом фестивале в

Оснабрюке в 1959 году. В пятнадцать лет я закончил среднюю школу, и мне не терпелось вырваться из Гронау. Я несколько колебался в окончательном выборе будущей профессии. Конечно, мне хотелось стать великим барабанщиком всех времен и народов. Но, может, думал я, для начала стоило бы научиться какой-нибудь солидной профессии? Можно пару годочков поплавать на каком-нибудь океанском лайнере stewardом и потом сойти на берег где-нибудь в Акапулько?

И я отправился в Дюссельдорф, чтобы учиться на официанта в шикарном отеле «Брайденбахер хоф». Дело в том, что мой друг, бывший на два года старше меня, уже поплавал по морям и океанам в качестве stewardа и побывал в разных странах. Он присылал мне оттуда красивые открытки и писал, какая замечательная там жизнь, особенно если сравнивать ее с жизнью в Гронау. Но его путь в далекие страны начался именно с места ученика официанта. Вот и я решил поступить так же.

Старшим официантом в отеле «Брайденбахер хоф» был отставной вояка, и всякий раз, когда ученики подходили к столу не с той стороны, он в наказание так наступал нам на ноги, что кровь чуть не брызгала из башмаков. Я сказал ему тогда: «Будьте любезны, поосторожнее, у меня мозоль». Несмотря на это, меня приняли. Сначала я был «боем», потом лифтером и обслуживал разряженных богатых обалдуев. Сейчас, вспоминая все, я не могу понять, как мне удавалось стоять перед дверью отеля целый день и то открывать, то закрывать ее. Продержался я там, правда, всего четыре месяца. Вставать приходилось до петухов, будить их и говорить: «Эй вы, давайте кукарекайте, еще один дурацкий день начался!» Потом бегом к трамваю. В шесть утра я уже на месте и протираю пелельницы, начищаю до блеска закапанные воском подсвечники, заполняю солонки и перечницы. Пытка!

Мало-помалу меня стали одолевать сомнения: а не быстрее бы я достиг цели — толстого бумажника, — если бы стал музыкантом? И с деньгами в кармане — вперед в далекий прекрасный мир! Ну что ж, надо попробовать! Я попробовал и с ходу сел в лужу.

В Дюссельдорфе был кабачок «Джаз кэп», где играл джазовый оркестр. Еще когда я тянул ляжку в отеле, я не раз заходил туда и даже играл там. У ребят был вкус, скажу я вам. Но и я им понравился. Однажды они спросили, не смогу ли я работать с ними постоянно, потому что они вдрызг разругались со своим ударником. Должен заметить, что в жизни бывают ответы, которые не нуждаются в вопросах. В ту же секунду я был принят. Теперь нужно было как можно скорее избавиться от дерьмовой работы, но так, чтобы они сами меня уволили, а то мне пришлось бы платить штрафы. Вот и получилось, что у меня, косолапого и косорукого придурка, выскользнул поднос ручной работы, безумно дорогими кувшинами-графинами. В этот же день, устанавливая фондю на стол, я поджег не спиртовку, а сидевшую за столом даму и соусник поставил не на стол, а на колени ее кавалеру. Это незамедлительно привело меня к желанной цели, и меня с треском вышибли. Я с облегчением вздохнул и со всех ног помчался в кабачок, где должен был играть. Заявившись туда, я увидел, что ребята из оркестра мирно пьют водочку и душевно беседуют со своим ударником. Они помирились, и я им был уже не нужен. В утешение они налили мне рюмку и дали 10 марок. Я стоял под дождем, безработный вдвойне: не официант и не барабанщик.

Говорят, беда не приходит одна. А еще говорят, что Бог троицу любит. Третьим несчастьем в тот день стал пожар в моей комнате. За несколько дней до этого я написал подруге в Гронау письмо: «Дорогая и любимая, все у меня в жизни распрехрасно, люблю, страдаю и все такое прочее». Потом я перечитал письмо, оно мне не понравилось, и я решил написать новое. А старое — сжечь тайно, молча, без свидетелей. Сжег и бросил не в раковину, как я всегда это делал, а по рассеянности или с горя — в мусорную корзину. Пламя вмиг охватило занавески, потом всю комнату. Все! Жизнь кончилась. Слишком много для одного дня. Старой работы — нет, новой работы — нет, жилья — нет. И я отправился на вокзал, где мне пришлось провести немало дней в ночлежке Армии Спасения. Я приучил теток из Армии, разно-

сивших завтрак, не будить меня раньше двенадцати часов.

Дюссельдорф тогда казался мне гигантским городом, очень жестоким и суровым, где каждый борется за выживание в одиночку, как на Диком Западе. Я сказал себе: «Хватит быть дураком. Научись обдуривать других и бороться за свои интересы, живи как все». Таким образом, очень рано я научился правилам жизни и борьбы за свои интересы. Правда, делал я это по-своему, «шармантно», а не зло и жестоко, как было принято в этом холодном и чужом мире. «Ну не получилось в первый раз, получится в следующий, и я найду, наконец, себе оркестр», — утешал я себя.

Тогда, в 1962 году, о роке еще не было речи, я хотел быть только джазистом — «Битлы» и «Роллинги» появились в моей жизни гораздо позже.

Я все же начал кое-где поигрывать и даже получил приз «Золотая барабанная палочка» на джазовом фестивале. После фестиваля я позвонил одному из его организаторов и сказал: «Сделай мне предложение, от которого я не смогу отказаться!» Он и предложил мне играть в оркестре «Мистер Адамс Джазопаторс» в Голландии. И все пошло более-менее нормально. После столь несчастливо начавшейся карьеры официанта я уже смог хоть как-то отчитаться перед родителями. Мне даже удалось скопить немного денег. Ну, подумал я, пора тебе поучиться музыке. И стал проходить курс джаза в Дуйсбургской консерватории. Потом поочередно на отделении симфонической музыки. Большой барабан, малые барабаны, «треугольник» — все, что гремит, звенит, тренькает, то есть делает интеллигентный шум. Но мне приходилось три-четыре раза в неделю играть в оркестре, и учеба для меня была побочным занятием: мне ведь приходилось зарабатывать. Вскоре консерваторская мафия выследила меня и поняла, какой я фиговый студент. Узнали — выгнали. Я подумал, может, в Мюнстере про меня еще ничего не знают. И поступил в высшую музыкальную школу, а заодно стал поигрывать в бит-группе «Мустанги». Только я начал учиться, приходит телеграмма из Парижа: «Приезжай. Нужен ударник» — мой друг собирался совершить годичное турне по американским военным частям, расположенным в Ливии, где тогда еще правил король Идрис, а Кадаффи, наверное, еще учился в интернате для революционеров.

Конечно, Ливия — это не тот далекий и прекрасный мир, в который я стремился, но и Африка — уже кое-что. Да и 200 долларов в месяц мне совсем бы не помешали.

В Ливии, мне кажется, я пережил конец цивилизации. Месяц за месяцем мотались мы по пустыне, выступая перед пьяными американскими солдатами в каких-то сараях из жести на краю аэродрома. Это была самая настоящая работа для самоубийц. Когда турне кончилось, я при первой же возможности вернулся в Германию. Через Париж, Роттердам, Мюнстер — прямо в Гронау-Сити.

Вот тогда-то я в магазине пластинок и увидел диск с длинноволосыми ребятами на обложке: «Роллинг стоунз!» Господи, думал я, вот она — жизнь! Все смеются, все кружится.

В Африке я про них практически ничего не слышал. Тогда ведь средства массовой информации были не такие, как сейчас. Да и вообще мой африканский вояж довел меня до того, что мне пришлось пойти к врачу-психиатру. Этому врачу, по-моему, надо было самому полечиться, тем не менее он выписал мне валерьянку. Я должен был держать себя в хорошей форме, ведь меня ждала учеба в Мюнстере.

То, что я хотел играть и дальше, это было ясно. Но где, когда, что — это вопрос. Мой переезд в Лас-Вегас с целью ведения там роскошного образа жизни еще не стоял на повестке дня, да ко всему прочему жизнь вдруг осложнилась романтическими отношениями с прекрасным полом.

Перевела с немецкого
С. НАВТАРАДЗЕ

Продолжение следует

4

цилизированные мужчины уже давно привыкли выяснять отношения в чаще Булонского леса.

Сказано ли неосторожное слово, раздался ли оскорбительный эпитет, брошен ли косой взгляд, и даже те, чья мирная профессия, казалось бы, предполагает им крайнюю сдержанность в поступках, уже назначают дуэль — с легкостью, свидетельствующей о живучести предрассудков, навязанных человеческим безумием.

Когда два человека отправляются на место поединка, это означает, что они оба пришли к согласию относительно того, что считать делом чести. Дело чести! Что это? Готовность дать себя убить из-за женщины, которую презираешь, из-за слишком сухого отказа или грубоватого словца? Впрочем, одни поднимают вопрос о деле чести даже тогда, когда их забыли поприветствовать, другие же, лишь когда получают пощечину

Конечно, бывают оскорбления, почти незаметные для посторонних, но которые больно жалют и оставляют незаживающую рану, бывают поступки, не предусмотренные уголовным кодексом и в то же время порочащие репутацию человека и наносящие ему оскорбление. Закон же наказывает лишь за явно грубое оскорбление, насильственные действия. Намек, обидная шутка, косой взгляд — для закона не криминал. Именно это бессилие закона и провоцирует дуэли.

Безусловно, понятие чести имеет определенные границы. Беда в том, что границы эти никак не определены и могут по-разному оцениваться каждым из нас

Обычно мысль о дуэли не вызывает у наших современников ни мрачных раздумий о смертельной опасности, ни опасений, предшествующих любому другому важному событию, последствия которого неясны и неопределенны

Уже в раннем возрасте воспитание предопределяет это хладнокровие, может быть, и рыцарское, но в высшей степени аморальное, если одно живое существо отправляет на небеса другое.

Каждый молодой человек, воспитанный в порядочной и благочестивой семье, получает, наряду с богобоязненным воспитанием, предписывающим «прощать», наставления совсем иного рода. Его учат никому не спускать обид, заставлять себя уважать, не ронять честь фамилии. Затем в числе многочисленных учителей хороших манер появляется учитель фехтования, а стрельба из пистолета приравнивается к науке, а не развлечению

Подросток, вступающий в свет с небольшими познаниями латыни, величайшей не-

ДЕЛО

Альфред д'АЛЬБЕР,
бельгийский журналист

ЧЕСТИ

опытностью, но умеющий хорошо орудовать шпагой и метко стрелять, с большим нетерпением ожидает своей первой дуэли. Чем дольше ее не происходит, тем дольше он чувствует себя обкраденным.

Вся его дальнейшая жизнь протекает под властью убеждения, что дуэль — это тот же несчастный случай, избежать которого так же невозможно, как и черепицы, падающей с крыши на голову прохожего, и что, выходя из дома с самыми мирными намерениями, можно нарваться на ссору, и не сегодня, так завтра тебя могут вынудить драться, и ты будешь драться, потому что под дулом пистолета все люди равны.

Эти расхожие понятия и составляют костяк предрассудков по поводу вопросов чести, во имя которой люди сражаются с убежденностью в своей правоте, совершенно не задумываясь о том, при каких безрассудных обстоятельствах и ради каких нелепых целей это происходит

«Каждый оскорбленный мужчина должен драться», — говорит неписанный закон чести. Но если вы провоцируете меня из легкомыслия, из-за пустяка, обязан ли я под угрозой бесчестия подставить вам свое горло, вам, знаменитому дуэлянту, я, никогда не державший в руке рапиры и пистолета? По мнению любого здравомыслящего человека — конечно же, нет! А в глазах общества, смешно сказать, обязан! Обязан дырять человека шпагой, чтобы доказать двум десяткам людей, став-

ших свидетелями глупой шутки, что поступаю по законам чести

Дуэлянты утверждают, что они, мол, дерутся не для того, чтобы убить друг друга, — боже упаси! Подобное намерение было бы жестоким и неблагородным. Они дерутся из принципа.

В варварские времена из-за краж, убийств, оскорблений целые племена шли друг на друга войной. Мало-помалу этот обычай менялся для того, чтобы пощадить жизнь большого количества людей и по возможности поддерживать мир, были введены правила ристалищ, которые затем стали законом. грубая сила по-прежнему решала спорный вопрос, но теперь схватка имела место только с разрешения магистрата, под покровительством церкви: предрассудок заставлял верить, что Бог всегда поможет одержать победу правой стороне, побежденный падал не от ударов более сильного и ловкого противника, а от кары господней

В средние века уже любое обвинение требовало от обвиняемого выйти для схватки на арену, а отказ не принимался даже церковным судом

При царствовании Людовика Святого дуэль была разрешена юридически, если речь шла о причиненном материальном ущербе, превышающем двенадцать денее. Орлеанский закон разрешал вызвать на дуэль за неплату любого долга, а позже — долга не менее чем в пять су

Более того, дуэли разрешались по поводу несогласий с частным определением суда. Драться, таким образом, можно было бесчисленное количество раз, пока суд не выносил желаемое решение, дающее право на возмещение убытков из имущества ответчика.

Если же в деле фигурировали свидетельские показания, то они могли быть аннулированы путем вызова на дуэль свидетеля. В случае, если тот терпел поражение, его свидетельство считалось ложным, а обвиняемый объявлялся невиновным. Все это говорит о том, что люди того времени, затевающие тяжбу, должны были обладать развитой мускулатурой и хорошо владеть оружием.

Утонченные придворные Карла IX, Генриха III, Людовика XIII бросали вызов, если, проходя по тесным коридорам Лувра, они задевали друг друга полками плащей. Это страшное оскорбление давало повод к настоящему сражению, так как и секунданты принимали в нем активное участие, то из-за пустяка, на который только сумасшедший мог обратить внимание, часто дрались пять-шесть пар

Все вышесказанное свидетельствует о том, что, с юридической точки зрения, дуэль была лишь грубой и жестокой процедурой разрешения вопросов, которые человеческий разум был не в состоянии решить другим путем

Между тем, настоящее дело чести имело и имеет свои законы, которым подчиняются люди всего мира; здесь тоже есть свой кодекс, не разделенный на тома, главы и статьи, но обязательный для всех, под угрозой быть презренным обществом

И остается только жалеть о бессилии закона там, где действительно задеты вопросы чести.

1853 год

Перевела с французского
Н. НАЗАРОВА

... что говорят ... что пишут ... что говорят ... что пишут

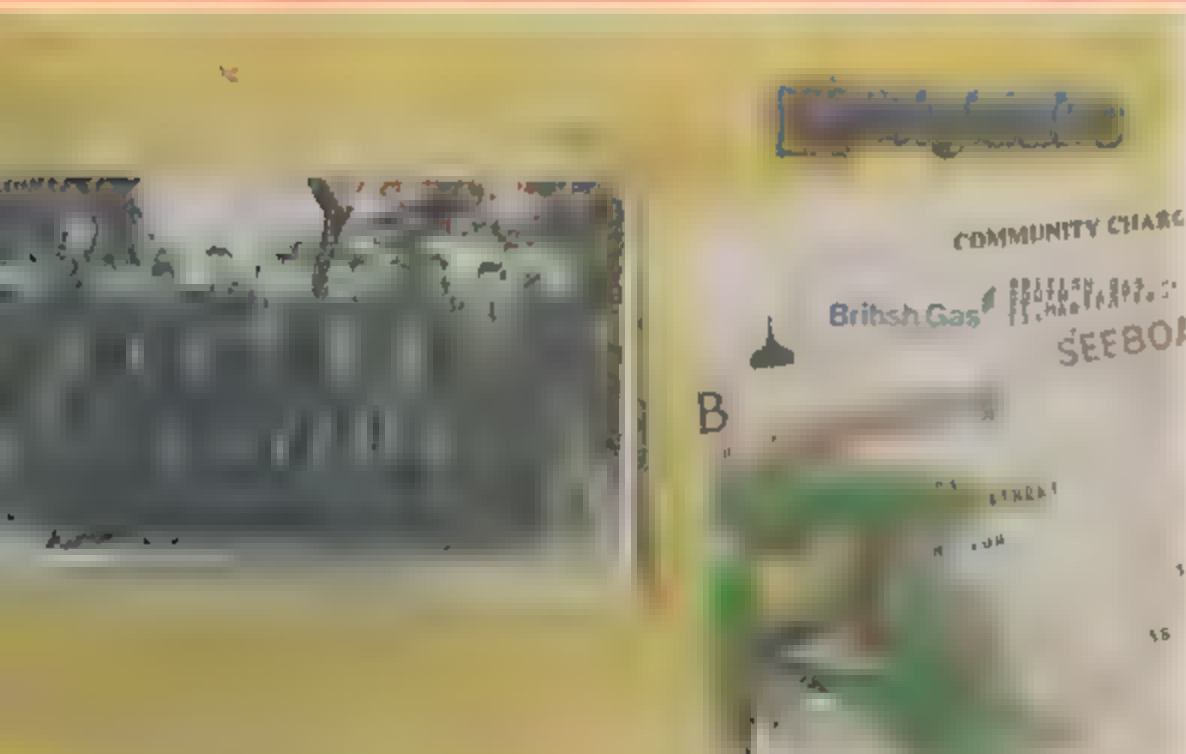

ПРАВая, ЛЕВАЯ — ГДЕ СТОРОНА? Спе-

циалисты из Калифорнийского университета провели серьезное исследование и пришли к удручающему выводу: средняя продолжительность жизни левшей меньше, чем у тех, кто держит пожуру ручку топора, а также голосует правой рукой. Объяснений этому множество (и стрессы, которые испытывают левши, когда их пытаются переучивать, правда, за рубежом от этого давно отказались), и большая вероятность несчастных случаев: левши, которых в мире 90 процентов, как то забывают о том, что 10 процентам населения трудно пользоваться «редкими инструментами и механизмами». Однако те же специалисты утверждают: левши «попадают в истории» — однако чаще в истории остаются. Примеры знаменитых левшей: Юлий Цезарь, Леонардо да Винчи, Альберт Эйнштейн, Наполеон, Чарли Чаплин, Пол Маккартни, Пабло Пикассо, королева Виктория. Список довольно убедительный.

ОГРОМНОЙ МАССЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА уже не надо обременять себя монетами и жетонами для телефонов-автоматов. Огромная масса человечества уже давно перешла на специальные магнитные телефонные карточки с закодированным количеством звонков или суммой на переговоры. С одной стороны, удобно, с другой — выгодно, а вот с третьей... Третья сторона стала поводом для нового коллекционерского бума: теперь использованные карточки не выбрасываются, потому что производители печатают на них различные картинки (только в Японии создано около 50 тысяч разных изображений). Так что и потраченные деньги денег стоят.

И ВОПРОСУ О ПРИВИЛЕГИЯХ. Оно, конечно, комиссии по привилегиям, привилегия нашего современного общества, однако борьба с ними (т.е. с привилегиями) ведется во всем мире. Например, в Англии. И ведут ее сейчас выпускники закрытых частных школ, у которых есть одна привилегия: отклоняться на исходящие от руководства школ бесконечные просьбы о бесконечных пожертвованиях. Хотя эти школы за обучение в которых родители и так платят немалые деньги, оборудованы куда лучше обычных, публичных. Зато нравы в них царят поистине средневековые: например, и по сей день ученика, если он не услышал колокола и опоздал на утреннюю молитву, наказывают недельным вставанием в пять утра для каллиграфического переписывания стихов из Библии. Или, если ты, паче чаяния, разбил окно, то под наблюдением «старших мальчиков» провинившийся обязан руками собрать все осколки (метлой пользоваться запрещено), а потом еще и вытереть кровавые следы... Вот выпускники теперь и отдадут своих детей в государственные школы — из принципа, хотя в них «уборщицы съедены налогами, преподаватели искусства устранены за ненужностью, а учителя географии просто стерты с карты». А просьбы о пожертвованиях отправляют прямиком в корзину для мусора.

... что говорят ... что пишут ... что говорят ... что пишут

... что говорят ... что пишут ... что говорят ... что пишут

ОСНОВАТЕЛЬ ИЗВЕСТНОЙ АВТОМОБИЛЬНОЙ ФИРМЫ АНДРЕ СИТРОЕН был твердо убежден: первыми словами в лексиконе французского дитяти должны быть «папа», «мама» и «ситроен».

Начиная с 1926 года фирма с появлением каждой новой модели одновременно выпускает и серию детских pedalных машин, точь-в-точь повторяющих новую модель.

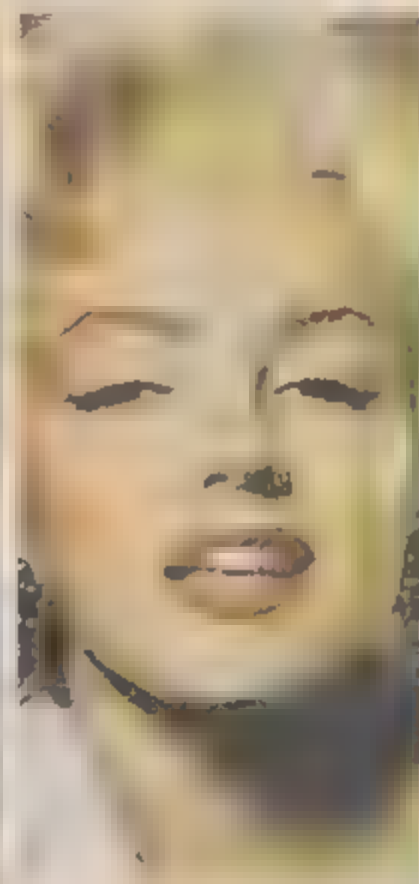
Детям — детское, а вот мюнхенский юрист Клауда нашел pedalным машинкам самое взрослое применение: он — владелец самой большой в мире их коллекции, за что и угодили в Книгу рекордов Гиннесса. Для обозрения он выставляет 120 самых интересных образцов, а на остальных даже передвигается и всячески их пропагандирует. Ведь с экологической точки зрения они — самые безупречные.

«Я ХОЧУ ДОКАЗАТЬ ВСЕМ, ЧТО УЧИТЬСЯ НИКОГДА НЕ ПОЗДНО», — заявив это, Президент США Джордж Буш начал брать уроки «компьютерной грамоты». Кроме того, он не хочет отставать от первой леди Барбары Буш, которая уже давно ведет свои записки на персональном компьютере, а то время как Президент по старинке печатает на пишущей машинке, да и то двумя пальцами. Преподаватель доволен усердием Президента, однако Джордж Буш сказал, что работать на компьютере он, может, еще как-нибудь и научится, но вот устанавливать время на электронном будильнике... Тут уж увольте: «Это мне не удастся никогда!»

ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА С МОТОРОМ. Под звуки похоронного марша вы садитесь в серебристый с черным «надиллак», мрачный гробовщик заводит мотор, и экскурсия начинается... «Справа — отель, где от передозировки наркотиков скончалась Дженис Джоплин. На той горе стоял коттедж, в котором банда Мэнсона совершила свое знаменитое ритуальное убийство актрисы Шарон Тейт, а на этой обнаружили бездыханное тело Мэрилин Монро...» Экскурсия называется «Нладбищенское турне» — на полтора часа турист погружается в зловещую атмосферу голливудских автокатастроф, убийств и самоубийств.

Дела у создателя «нового маршрута» Грега Смита идут неплохо. Грег понял главное: человеку хочется — ах как мучительно хочется! — не просто взглянуть в замочную скважину, но и подсмотреть: что же там, за последней чертой? Экскурсия к тому же вполне демократична, ибо последняя черта уравнивает всех.

... что говорят ... что пишут ... что говорят ... что пишут

ХРАНИТЕЛЬ СЕРДЦА

Детективный роман

Франсуаза САГАН,
французская писательница

Чтобы хоть немного выспаться, я отключила телефон; позевывая, появилась в студии лишь к полудню и, естественно, оказалась не в курсе последних событий. Когда я вошла, Кэнди подпрыгнула в кресле, глаза у нее были совершенно безумные. Уж не укусила ли ее электрическая пишущая машинка, подумала я. Она схватила меня за плечи.

— Что ты думаешь об этом, Дороги? Что ты думаешь?

— Бог мой, о чем?

— Ты ничего не знаешь? — по ее лицу разлилось блаженство. — Джерри Болтон мертв.

Я с ужасом вынуждена отметить, что, как и она (да и все на студии), восприняла это известие как хорошую новость. Я села напротив Кэнди, только теперь заметив, что она уже достала бутылку шотландского и два стакана, чтобы отметить событие.

— Что значит мертв? Левис еще

вчера видел его.

— Убит, — радостно сообщила она. Тут я спросила себя, не результат ли моих литературных творений эта мелодраматическая манера поведения?

— Но кем?

Неожиданно она смутилась и, запинаясь, ответила.

— Я не знаю, смогу ли я сказать... Кажется, мистер Болтон имел... э... моральные принципы... которые... которые

— Кэнди, — сухо сказала я, — у каждого есть свои принципы, неважно какие. Объясни подробнее.

— Его нашли в одном доме, около Малибу, кажется, он был там старым клиентом. Он пришел с молодым человеком, который потом исчез. Он и убил Болтона. Радио назвало это преступлением на почве секса.

Итак, тридцать лет Джерри Болтон скрывал свое истинное лицо. Тридцать лет он играл роль безутешного, нетерпимого в вопросах нравственности вдовца. Тридцать лет пачкал грязью молодых актеров определенного типа, похожих на женщин, часто, несомненно, в целях самозащиты, губил их карьеру... Жуть какая-то.

— Почему они не замяли дело?

— Убийца, как полагают, сразу же позвонил в полицию, а затем в газеты. Тело нашли в полночь. Тайное, как говорится, стало явным. Владельцу этого притона пришлось раскрыть карты.

Я решила пройтись по студии. Всюду царил оживление. Я могла бы даже сказать, народ веселился, как на празднике, и мне стало немного неприятно. Человеческая смерть никогда не делала меня счастливой. Все эти люди в свое время натерпелись от Болтона, и двойная новость о его тайной жизни и смерти доставляла им нездоровое удовольствие. Я быстро ушла и направилась к площадке, где работал Левис. Съемки начинались в 8 утра, но после тайной бурной ночи едва ли он мог предстать перед камерой в хорошей форме. Однако я нашла его, прислонившегося к стене, улыбающегося и непринужденного, как обычно. Он направился ко мне.

— Левис, ты слышал новости?

— Да, конечно. Завтра мы не работаем, траур. Мы сможем заняться садом, — помолчав, он добавил: — Нель-

Продолжение. Начало см. в № 8 и 9 за этот год.

зя сказать, что я принес ему удачу.

— Ты нашел мое письмо, Левис?

Он посмотрел на меня и начал краснеть.

— Нет. Меня не было всю ночь.

Я рассмеялась.

— Это твое личное дело. Я только хотела сказать, что очень обрадовалась «роллсу», но от изумления начала молотить какую-то чушь. И поэтому ты не понял моей радости. Вот и все. Потом мне было так стыдно.

— Ты не должна чувствовать себя виноватой из-за меня, — заверил меня Левис. — Никогда.

Его позвали. Репетировалась короткая любовная сценка с участием восходящей звезды Джун Пауэр, брюнетки с жадным ртом. Она с явным восторгом устроилась в объятиях Левиса, и я поняла, что теперь он вряд ли будет проводить ночи дома. Так и должно быть, решила я и отправилась к зданию дирекции, где собиралась позавтракать с Паулем.

VIII

«Роллс» застыл, огромный и таинственный — машина для дальних поездок, грязно-белый, с черной обшивкой, или когда-то бывшей черной, с медными деталями, тускло блестящими повсюду. Кажется, это была модель 1925 года. Настоящий кошмар. Так как в гараж вторая машина не помещалась, нам пришлось оставить его в саду, в котором и так уже негде было повернуться. Высокие сорняки очаровательно покачивались вокруг «роллса». Левис радовался, как ребенок, его все время тянуло к машине, а заднее сиденье он даже предпочел креслу на террасе. Мало-помалу он заполнил «роллс» книгами, сигаретами, бутылками и, возвратившись со студии, обычно там и устраивался, высунув ноги в открытую дверь и наслаждаясь смесью запахов ночи и затхлости, исходящих от старых сидений. Слава Богу, Левис не заикался о ремонте «роллса». Честно говоря, я совсем не представляла, как ему вообще удалось доставить этого старичка к дому.

К общему удовольствию, мы решили мыть «роллс» каждое воскресенье. Тот, кто в воскресное утро не чистил «роллс» 1925 года выпуска, застрявший, словно монумент, в запущенном саду, потерял одну из самых больших радостей в жизни. Полтора часа уходило на наружную часть и еще полтора — на внутреннюю. Обычно я начинала с помощи Левису, занимавшемуся фарами и радиатором. Затем, уже самостоятельно, переходила к обивке. Интерьер — это мой конек! За «роллсом» я ухаживала лучше, чем за собственным домом. Я покрывала медные ручки специальной пастой, а затем полировала их замшей. Драйла

деревянные части приборной доски, заставляя их блестеть. Потом, подышав на диски приборов, протирала их, и перед моим восторженным взором на сверкающем спидометре появлялись цифры — 80 миль/час. А снаружи Левис, в майке, трудился над покрышками, колесами, бамперами. К половине двенадцатого «роллс» сверкал в полном великолепии, а мы, млея от счастья, потягивая коктейли, ходили вокруг машины, поздравляли себя с завершением утренней работы. И я знаю, чему мы радовались: полной бессмысленности наших трудов. Пройдет неделя. Ветки снова сплетутся вокруг «роллса», а мы никогда не будем им пользоваться. Но в следующее воскресенье мы все начнем сначала. Вновь вместе откроем радости детства, самые неистовые, самые глубокие, самые беспричинные. На следующий день, в понедельник, мы возвратимся к своей работе, за которую получаем деньги, размеренной и регулярной, позволяющей нам пить, есть и спать, к работе, по которой все о нас и судят. Но как же я иногда ненавижу жизнь и ее деяния! Вот ведь странно: может быть, чтобы любить жизнь по-настоящему, надо уметь как следует ее ненавидеть...

В один чудесный вечер в сентябре я лежала на террасе, закутавшись в свитер Левиса, теплый, грубый и тяжелый, которые мне так нравятся. С определенными трудностями, но я все же уговорила Левиса сходить со мной в магазин, и он благодаря своему заработку пополнил свой до того практически несуществовавший гардероб. Я часто надевала его свитеры; я любила носить одежду мужчин, с которыми жила, — думаю, единственный грех, в котором они могут меня упрекнуть. В полудреме я просматривала удивительно глупое либретто кинофильма, к которому мне требовалось за три недели написать диалоги. Речь шла о глупенькой девушке, встретившей умного молодого человека и под его влиянием расцветающей прямо на глазах, или что-то в этом роде. Проблема состояла в том, что эта глупая девушка казалась мне куда более интеллигентной, чем молодой человек. Но, к сожалению, ставился фильм по бестселлеру, так что линию сюжета изменить я не могла. Итак, зевая, я с нетерпением ожидала прихода Левиса. Но вместо него увидела — в простом, почти черном костюме, но зато с огромной брошью на воротнике — знаменитую, идеальную Лолу Греветт.

Ее машина остановилась перед моим скромным жилищем, Лола промурлыкала что-то шоферу и открыла ворота. Ей не сразу удалось обойти «роллс». А когда она увидела меня, в ее темных глазах застыло изумление. Должно быть, я представляла собой исключительное зрелище: падающие

Ровесник 10'91

на глаза волосы, огромный свитер, шезлонг и бутылка шотландского. Я, вероятно, напоминала одну из тех одиноких алкоголичек, героинь пьес Тенесси Уильямса, которых, кстати, я так люблю. Лола остановилась в трех шагах от террасы и дрогнувшим голосом произнесла мое имя.

— Дороти, Дороти...

Я никак не могла поверить своим глазам. Лола Греветт — национальное достояние, она никуда не выходила без телохранителя, любовника и пятнадцати репортеров. Что она делает в моем саду? Мы устали друг на друга, как две совы, и я не смогла не отметить, что она превосходно следит за собой. В сорок три она сохранила красоту, кожу и очарование двадцатилетней. Вновь услышала я: «Дороти», — и, поднимаясь с шезлонга, прорывалась «Лола», без особого энтузиазма, но достаточно вежливо. Тут она заторопилась, прыгая по ступенькам, как молодой олень, от чего груди под блузкой жалостливо затряслись. Она упала мне в объятия. Только теперь я сообразила, что мы обе были вдовами Фрэнка.

Бог мой, Дороти, когда я думаю, что меня здесь не было... что тебе одной пришлось обо всем заботиться... Да, я знаю, ты вела себя изумительно, все об этом говорят. Я не могла не повидать тебя... Не могла...

Пять лет она не обращала внимания на Фрэнка, ни разу даже не встретила с ним. Поэтому я решила, что у нее свободный день или ее новый любовник не может удовлетворить ее духовные запросы. В Лоле не было ничего от печальной женщины, ищущей утешения. Размышляя подобным образом, я предложила ей стул, виски, и мы начали состязаться в восхвалении Фрэнка. Лола первым делом извинилась, что отбила его у меня (но страсть извиняет все), я тут же ее простила (время все сглаживает), и так далее, в том же духе. По правде говоря, она чем-то удивляла меня. Говорила избитыми фразами, с пугающими вспышками нежности или ярости. Когда приехал Левис, мы вспоминали лето 1959 года.

Улыбаясь, он прыгнул через бампер «роллса». Да, немногие мужчины так красивы и стройны, как он. Старая куртка, вылинявшие джинсы, черные волосы, падающие на глаза. Я видела его таким каждый день, но сегодня смотрела на него глазами Лолы. Пусть это покажется странным, но она задрожала. Так дрожит лошадь перед препятствием, так дрожит женщина, увидев мужчину, которого захотела страстно и мгновенно. Улыбка Левиса исчезла, как только он увидел Лолу: он не

любил посторонних. Я дружески представила их друг другу, и Лола немедленно пустила в ход все свое обаяние.

Разумеется, она не поперла напролом, словно неопытная кокетка. Наоборот, показала, что она женщина с головой на плечах, женщина с положением, профессионал. Ее поведение восхитило меня. Она не пыталась ни ослепить Левиса, ни даже взволновать его. Она постигла дух, царивший в доме, говорила о машине, о саде, небрежно налила себе еще бокал, рассеянно поинтересовалась намерениями Левиса — словом, играла роль женщины-друга, с которой легко ладить и которая далека от всего этого (то есть нравов Голливуда). По взгляду, брошенному на меня, я поняла, что она считает Левиса моим любовником и решила сделать его своим. После бедняги Фрэнка это уже перебор, подумала я. Признаюсь, меня все это рассердило. Одно дело, когда она развлекается разговором с Левисом, но делать из меня идиотку, заходить так далеко... Страшно подумать, куда может завести уязвленное тщеславие. Впервые за шесть месяцев я позволила себе вольность, жест собственника по отношению к Левису. Он сидел на земле, наблюдая за нами. Я протянула ему руку:

— Прислонись к моему креслу, Левис, а то у тебя будет болеть спина.

Он прислонился, а я небрежно провела рукой по его волосам. Он тут же откинул голову и положил ее мне на колени. Казалось, он безмерно счастлив, а я отдернула руку, будто ее обожгло. Лола побледила, но это не доставило мне никакого удовольствия: так стало стыдно за себя.

Лола, тем не менее, какое-то время продолжала разговор с хладнокровием тем более похвальным, что Левис не убрал головы с моих коленей и демонстрировал полное безразличие к беседе. Мы, несомненно, являли собой счастливую любовную парочку, и, когда развеялась первая неловкость, мне захотелось смеяться. Лола, наконец, утомилась и поднялась. Я — следом, что явно расстроило Левиса: он встал, потянулся и одарил Лолу таким ледяным, безразличным, так ждущим ее отъезда взглядом, что вынудил ее взглянуть на него столь же холодно, будто на неодушевленный предмет.

— Покидаю тебя, Дороти. Боюсь, я тебе помещала. Оставляю тебя в приятной компании, даже если она мне и не рада.

Левис не шелохнулся, я — тоже. Шофер уже открыл дверцу. Лола вспыхнула.

— Разве вы не знаете, молодой человек, что обычно дам провожают к выходу?

Она смотрела на Левиса, а я слушала ее, просто остолевшая: редчайший

случай — она теряла свое знаменитое самообладание.

— Дам — конечно, — спокойно ответил Левис и опять не шелохнулся.

Лола подняла руку, собравшись ударить его, а я закрыла глаза. В реальной жизни Лола отвечала пощечины так же часто, как и на экране. Отработала она их прекрасно: сначала ладонью, затем тыльной стороной руки, не шелохнувшись при этом плечом. Но удара не последовало. Тогда я взглянула на Левиса. Он стоял застывший, слепой и глухой, каким я уже видела его однажды; он тяжело дышал, а вокруг рта выступили маленькие бисеринки пота. Лола сделала шаг назад, затем еще два, от греха подальше. Как и я, она испугалась.

— Левис, — я взяла его за руку. Он очнулся и поклонился Лоле в старомодной манере. Лола свирепо поглядела на нас.

— Тебе надо бы находить менее молодых и более вежливых, Дороти.

Я не ответила. Честно говоря, расстроилась. Завтра весь Голливуд будет все знать. И Лола возьмет реванш.

Лола ушла, а я не удержалась, чтобы не сказать об этом Левису. Он посмотрел на меня с сожалением.

— Тебя это действительно беспокоит?

— Да, я ненавижу сплетни.

— Я позабочусь об этом, — успокоил меня Левис.

Но не успел. На следующее утро по дороге в студию Лолин лимузин с открытым верхом не вошел в поворот, и она свалилась в ущелье глубиной метров сто.

IX

Похороны прошли по высшему разряду. За последние два месяца трагически погибла вторая голливудская знаменитость, считая Джерри Болтона. Бесчисленные венки от бесчисленных живущих покрыли могилу. Я была с Паулем и Левисом. Третьи похороны. Фрэнк, потом Болтон. Снова я шагала по аккуратно выложенным дорожкам. Я похоронила троих, таких разных, но все они были слабые и безжалостные, жаждущие славы и разочаровавшиеся в ней, все трое движимые безумными страстями, загадочными и для них самих, и для окружающих. Такие мысли угнетают больше всего. Что же стоит в жизни между людьми и их самыми сокровенными желаниями, их пугающей решимостью быть счастливыми? Не есть ли это представление о счастье, которое они создают себе и которое не могут примирить со своей жизнью? Может быть, это время или отсутствие времени? Или, быть может, ностальгия, взлелеянная с детства?

Дома, сидя между двумя мужчинами, я вновь вернулась к этим

мыслям, настойчиво спрашивая мужчин, и звезды. Никто не смог ответить мне. Я могу лишь сказать, что в ответ на мои вопросы звезды слабо мерцали, как и глаза моих гостей. Вдобавок я поставила на проигрыватель пластинку с «Травиатой» — музыкой самой романтической. Наконец, их молчание мне надоело.

— Ну, Левис, ты, ты счастлив?

— Да, — его уверенный ответ обескуражил меня, но я настаивала.

— И ты знаешь почему?

— Нет.

Я повернулась к Паулю.

— А ты, Пауль?

— В скором будущем я надеюсь обрести настоящее счастье.

Этот намек на нашу свадьбу слегка охладил меня, но я быстро увернулась от него.

— Но посмотрите. Мы здесь втроем, сейчас тепло, Земля вертится, мы здоровы, счастливы... Так почему же у всех нас такой голодный, затравленный вид? Что происходит?

— Сжался, Дороти, — взмолился Пауль. — Я не знаю. Почитай газеты, они полны статей на эту тему.

— Почему никто не хочет говорить со мной серьезно? — спросила я, закипая. — Что я — гусыня? Или совершенно глупа?

— С тобой нельзя серьезно говорить о счастье, — ответил Пауль. — Ты сама живой ответ. Я не смог бы дискутировать о существовании Бога с ним самим.

— Все потому, — вмешался Левис, — все потому, что ты добрая.

Неожиданно он поднялся, и свет из гостиной упал на него. Рука его поднялась, как рука Пророка.

— Ты... ты понимаешь... ты добрая. Люди совсем не добрые, поэтому... поэтому они не могут быть добрыми даже к себе, и

— Бог мой, — воскликнул Пауль, — почему бы нам не выпить? Где-нибудь в более веселом месте? Как ты, Левис?

Пауль впервые пригласил Левиса, и тот, к моему величайшему удивлению, не отказался. Мы решили поехать в один из клубов хиппи около Малибу. Влезли в новый «ягуар» Пауля, и я, смеясь, отметила, что внутри Левису лучше, чем при первой встрече, еще со старым «ягуаром». После этого умного замечания мы помчались вперед, ветер свистел в ушах и резал глаза. Я чувствовала себя прекрасно, устроившись между моим любовником и моим младшим братом, почти моим сыном, между двумя красивыми, благородными, добрыми мужчинами, которых я любила. Я думала о бедной Лоле, умершей и похороненной, о том, что я невероятно удачлива, а жизнь — это бесценный дар.

Клуб переполняла молодежь, в основном бородатая и длинноволосая,

мы с трудом нашли столики. Если Пауль серьезно хотел избежать разговора со мной, то он своего добился: музыка просто оглушала. Вокруг прыгала и дергалась счастливая толпа, шотландское оказалось вполне сносным. Сначала я не заметила отсутствия Левиса, и только когда он вернулся и сел за стол, обратила внимание, что глаза у него слегка остекленели, хотя он практически не пил. Воспользовавшись тем, что музыка стала чуть спокойнее, я немного потанцевала с Паулем. Все случилось, когда мы возвращались к столику.

На меня налетел потный бородатый парень. Механически я пробормотала «извините», но он обернулся и так угрюмо зыркнул на меня, что я испугалась. Если ему перевалило за восемнадцать, то ненамного, на улице его ждал мотоцикл, а в животе плескались несколько лишних порций спиртного. Он был в кожаной куртке и выглядел как один из тех недоброй славы «роке-ров»: о них в то время часто писали газеты. Он буквально гаркнул на меня.

— Что ты здесь делаешь, бабка?

Чтобы рассердиться, мне требуется лишь секунда, но рассвирепеть я не успела, потому что у меня из-за спины вылетел человеческий снаряд и вцепился парню в горло: это был Левис. Они покатались по полу между столиками и ногами танцующих. Мне стало страшно. Пронзительным голосом я звала Пауля и видела, что он старается пробиться через толпу в метре от меня. Но эта восторженная молодежь образовала кольцо вокруг дерущихся и не давала ему пройти. Я вопила «Левис, Левис», но он не слушал меня, во всяком случае, парня не отпускал. Все это продолжалось с минуту, минуту, полную кошмара. Неожиданно возня прекратилась, и дерущиеся застыли на полу. В темноте я едва различала их тела, но эта неподвижность пугала еще более, чем драка. Тут кто-то заорал:

— Разнимите же их, разнимите!

Пауль, наконец, пробился ко мне. Он растолкал стоящих вокруг зрителей, если их можно так назвать, и ринулся вперед. Потом я отчетливо увидела руку Левиса, его изящную, тонкую руку, вцепившуюся в горло парня, сжавшую его в безумном объятии. Я видела руки Пауля, схватившие эту руку и отрывающие палец за пальцем. Потом меня оттолкнули, и я, оцепенев, упала в кресло.

Все смешалось: Левиса держали в одном углу, в другом старались привести в чувство того, в кожаной куртке. Так как никто не собирался звать полицию, мы трое быстренько ретировались; мы — испуганные, в полном замешательстве, Левис — спокойный, спокойный и далекий от всего. Мы молча забрались в «ягуар». Пауль, тяжело дыша, достал сигарету, закурил и протянул мне. Затем прикурил еще

одну, для себя. Сразу завести машину он не мог.

Я повернулась к нему и, насколько это было возможно, веселым голосом воскликнула.

— Ну и ну, вот это вечерок

Пауль не ответил, но, наклонившись через меня, пристально посмотрел на Левиса.

— Что ты принял, Левис, ЛСД?

Левис промолчал. Я резко повернулась и тоже взглянула на него. С откинутой назад головой, он смотрел в небо, в другой мир.

— Как бы то ни было, — мягко продолжал Пауль, — ты едва не убил человека... Что произошло, Дороти?

Я колебалась. Признаться не хотелось.

— Парень сказал, что я... э... немного стара для этого заведения

Я надеялась, что Пауль, по крайней мере, возмутится, но он лишь пожал плечами, и мы, наконец, отчалили.

В пути мы не обмолвились ни словом. Левис вроде бы спал, и я с отвращением подумала, что он, вероятно, полон своего драгоценного ЛСД. Я, в общем-то, не против того, чтобы иногда забыться, только считаю, что алкоголя вполне достаточно, а наркотики меня пугают. А еще я боюсь аэропланов, подводного плавания и психиатрии. Земля — единственное, что меня успокаивает, хотя и здесь много грязи. Как только мы приехали, Левис выскочил первым, что-то пробормотал и исчез в доме. Пауль помог мне выбраться из машины и прошел за мной на террасу:

— Дороти... ты помнишь, что я говорил тебе о Левисе в первый раз?

— Да, Пауль. Но теперь он тебе нравится, не так ли?

— Да, только я... — Он запнулся. Для Пауля это редкость. Потом взял мою руку, поцеловал ее. — Он... ты знаешь, я думаю, он не совсем нормален. Он действительно чуть не убил того бородача.

— Кто будет нормальным после кусочка сахара, пропитанного этой дрянью? — задала я логичный вопрос.

— Главное в том, что он просто буйный, и мне не нравится, что ты живешь с ним.

— Честно говоря, я думаю, что он очень любит меня и никогда не причинит мне вреда.

— Во всяком случае, он скоро станет звездой, и ты избавишься от него. Грант говорил мне. В следующем фильме ставку сделают на него. К тому же он талантлив. Дороти, когда же ты выйдешь за меня замуж?

— Скоро, — ответила я, — очень скоро.

Наклонившись, я легонько поцеловала Пауля в губы. Он вздохнул. Я оставила Пауля на террасе и пошла в дом взглянуть на будущую суперзвезду. Левис распластался на полу

Ровесник 10'91

на моем мексиканском ковре, голова его покоилась на руках. Я сходила на кухню, сварила кофе и наполнила чашку для Левиса, одновременно ретепируя про себя речь о вреде наркотиков. Потом вернулась в гостиную, присела рядом с Левисом, похлопала по плечу. Бесполезно.

— Левис, выпей кофе!

Он не пошевелился. Я трянула его, но, возможно, в тот момент он сражался с тучей китайских драконов и многоцветных змеев. Меня это рассердило, но я тут же вспомнила, как он защищал меня часом раньше, а это любую женщину делает более снисходительной.

— Левис, дорогой мой, — промурлыкала я.

Он перевернулся и бросился мне в объятия, сотрясаясь от неистовых рыданий, которые почти задушили его и испугали меня. Спрятал голову у меня на плече, кофе расплескался по коврику, а я, тронутая и испуганная одновременно, слушала сбивчивые признания, слетающие с его губ и топившие в моих волосах:

— Я мог бы убить его... о... Я должен был... еще секунда... еще одна секунда... Сказать такое... тебе... О, он был у меня в руках... да, был.

— Но, послушай, Левис, нельзя же так драться с людьми, это же неразумно.

— Свинья... он просто свинья... глаза зверя. У них у всех звериные глаза... у всех... ты не понимаешь... они разъединят нас, они доберутся и до тебя тоже... до тебя, до тебя, Дороти.

Я гладила его волосы, целовала виски. Я успокаивала ребенка, расстроенного ребенка.

— Ну успокойся, — бормотала я. — Пойми, ведь это же пустяк.

От сидения на корточках с навалившимся на плечо Левисом у меня начало сводить икры, и я сказала себе, что подобные сцены не для женщины моего возраста. Чтобы вернуть Левису уверенность и вкус к жизни, нужна молодая невинная девушка. Я ведь хорошо знала, какой может быть жизнь. Наконец, Левис немного успокоился. Я осторожно высвободилась, уложила его на ковер. Потом укрыла шерстяным платком и, измученная, пошла наверх, спать.

Перевод Л. ТАТНО

Продолжение следует

В оформлении использованы фрагменты картин художника Никаса САФРОНОВА.

SHOW ME HEAVEN

Слова и музыка Дж. Рифкина.
Эрина Рэнина и Марии Макки

There you go
Flashing fever from your eyes
Hey baby come over here
and shut them tight
I'm not denying we're flying
above it all
Hold my hand don't let me fall
You've such amazing grace
I've never felt this way

Ooh show me heaven
Cover me leave me breathless
Ooh show me heaven please

Here I go
I'm shaking just like a breeze
Hey baby I need your hand
to steady me
I'm not denying I'm frightened
as much as you
Though I'm barely touching you
I've shivers down my spine
And it feels divine

Ooh show me heaven
Cover me leave me breathless
Ooh show me heaven please

If you know what it's like
To dream a dream
Baby hold me tight and let this be

Ooh heaven
Cover me leave me breathless
Ooh show me heaven please
Leave me breathless
Leave me breathless
Cover me ooh yeah

У так, тебе предстоит первое свидание с Ним! Ты ожидаешь этот день с надеждой — и страхом. Но все на самом-то деле зависит только от тебя, от того, насколько уверенно ты будешь себя чувствовать. Так что присядь, успокойся, глубоко вздохни и начинай читать.

Что надеть, а что надевать не стоит

Мысль не нова, но одеться нужно соответственно ситуации. Ты наверняка будешь чувствовать себя по-дурачки, когда, открыв дверь, обнаружишь, что он стоит на пороге в чем-то умопомрачительном, а ты не нашла ничего лучше, чем натянуть старенькие джинсы.

Но и отчаянно наряжаться не следует. Запомни: ты будешь чувствовать себя еще глупее, если напялишь что-то явно не в 'своем' стиле. Одеться надо так, чтобы произвести впечатление, но чтобы в то же время чувствовать себя удобно.

Опробуй свой макияж заранее. Когда ты волнуешься, может появиться желание попробовать что-нибудь «крутое», о чем впоследствии пожалеешь.

Как правильно начать свидание

Прежде всего постарайся урегулировать возможные сложные ситуации. К примеру, удостоверься, что ваша все-ленькая собачка по кличке «Убийца» надежно заперта в комнате. Попробуй также устранить (естественно, ненасильственно) серьезную опасность в виде младшего брата, который непременно завопит: «Ой, мам, у нее новый парень!»

Пригласи своего друга в дом и познакомь с родителями. Это надо сделать непременно, как бы ты себя неловко при этом ни чувствовала. Поверь, тогда родители будут меньше беспокоиться, а сбереженные нервы предков — это и твои сбереженные нервы.

Представляя его, включи какую-нибудь дополнительную информацию, кроме заявления «Это Джон, мой школьный приятель». Такая информация поможет продолжить разговор (например, может оказаться, что в детстве твой папа так же хорошо играл в футбол, как и твой Джон) и как-то заполнить образовавшуюся после представления паузу.

Не бойся знакомить его со своими родителями: у него они тоже есть.

Постарайся быть в хорошем настроении (или скрыть дурное): не очень-то приятно идти рядом с обладательницей нахмуренных бровей. Так что, дорогая моя, изволь оставить неприятности позади.

Свидание!!

Это очень глупо — надеяться, что всю инициативу твой парень возьмет на себя. Запомни, он нервничает не меньше твоего, поэтому помоги ему. Сама продумай, в какое время вам лучше было бы встретиться и куда лучше было бы

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Луанна СТАРРИНГ,
американская журналистка

пойти. Нет ничего хуже, чем шататься по улицам в поисках какого-либо развлечения или напрашиваться в гости к друзьям.

Не бойся подсказать ему, куда бы ты хотела пойти. Это очень расстраивает и даже раздражает, когда ты заявляешь: «Мне все равно, чем заниматься...» Ему наверняка будет легче, если ты разделишь с ним ответственность за вечер. И, в связи с этим...

Не злись на него, если кафе, в которое он тебя привел, не очень-то соответствует твоим представлениям о прекрасном. Может, он и сам здесь впервые. А даже если и бывал, то, может быть, не обращал внимания, что официанты двигаются как черепахи или что еда оставляет желать лучшего. Постарайся с юмором относиться к любым ситуациям...

Неприменно прихвати с собой хоть какие-то деньги. Конечно, мы всегда ждем, что за все расплатится он, тем не менее, чтобы не попасть в дурацкую ситуацию, лучше что-то иметь в кармане. К тому же вдруг тебе все не понравится и захочется поскорее добраться домой? Одной

Первое свидание и этикет

Ни в коем случае не заказывай в кафе спагетти — это, кажется, самый распространенный совет из тех, что даются всем, кто идет на первое свидание. Вообще не заказывай блюдо, если ты не знаешь, как его есть. Лучше попроси что-нибудь привычное.

Не разговаривай с набитым ртом (в этом мама права!).

Расслабься! Даже если ты уронила вилку, не красней от ужаса. Просто попроси другую. Запомни: будь проще. Ведь у него тоже наверняка есть проблемы с этикетом...

Позаботься о том, чтобы не истощить нарман своего друга. Однако большинство парней любят девушек со здоровым аппетитом, поэтому не бойся по поводу диеты и проч.

Когда завершаешь еду, положи вилку и нож крест-накрест на тарелку (острием ножа от себя). Салфетка и руки должны лежать на коленях до тех пор, пока не уберут столик. Если во время еды по каким-то причинам надо встать и выйти, салфетку следует оставлять на своем стуле.

Накой он? И накая — я

Он может оказаться неразговорчивым! Поэтому заранее хорошенько обдумай общие темы для разговора. Найди сама, о чем можно поболтать.

Только не трещи без умолку. И не говори ему, что тебе последние два года нравился его лучший друг. Будь потактичнее! Не рассказывай о своих бывших мальчиках. И вообще, постарайся не сплетничать. А то он может предположить, что он для тебя — лишь новая жертва. И принуди язык, даже если тебе хочется пройтись по поводу его прежней девушки.

Говоря, смотри прямо на собеседника. Иначе он может подумать, что тебе с ним скучно. Задавай не слишком много вопросов, а спросив, уж постарайся выслушать ответ. Тогда он наверняка будет слушать и тебя.

Не расспрашивай о его финансовом положении. О том, сколько он подрабатывает после школы, о том, какая у его папы машина. Все это, извини, не твоего ума дело. Не пытайся и сама произвести впечатление: нет ничего скучнее хвастовства.

Не ломайся и не старайся казаться чем-то, чем ты на самом деле не являешься. Будь собой. Он пригласил тебя потому, что ему нравишься именно ты!

Оценка информации

Обрати внимание на его позы и движения. Например, если он сидит скрестив ноги и руки и смотрит на что угодно, только не на тебя, это вовсе не означает, что ему на тебя и смотреть-то противно. Может, он просто нервничает.

Обрати внимание на то, как он относится к окружающим. Груб и придирчив к официанту? Делает язвительные замечания по поводу того, во что одеты другие посетители? Если он позволяет себе подобное уже в первую встречу, только представь, каким занудой он окажется впоследствии.

Оцени, насколько он воспитан. Например: открывает ли он для тебя дверь? Но не забывай и о своих собственных манерах.

Чек, пожалуйста!

Платить — это его обязанность. Вот если бы ты его сама пригласила — тогда уж изволь и платить сама. Но если он хочет продемонстрировать свое финансовое могущество, предоставь ему эту возможность.

Если ты видишь, что ужин обходится дорого, попробуй предложить ему оплатить свою часть чека. Не стоит вступать из-за этого в конфликт, но просто предложить — это будет вежливо.

По крайней мере предложи сама купить мороженое, или, что лучше, потом сама его куда-нибудь пригласи. Между прочим, это отличный повод для следующего свидания!

Как правильно прощаться

Поблагодари его и скажи, что ты отлично провела время — даже если все было хуже некуда.

Не спрашивай, когда он позвонит опять. Ты будешь выглядеть назойливой. Кроме того, подобный вопрос может закончиться тем, что он наобещает с три короба, а потом не выполнит ни одного обещания.

Не поддавайся давлению, если он попросит тебя сделать что-либо, чего ты не хочешь делать, или что-то, что не одобрили бы твои родители (ведь тебе в этой жизни еще не раз придется ходить на свидания, так что лучше заранее не настраивать их против подобного времяпрепровождения). Если он пригласил тебя на вечеринку, где его друзья распивают алкогольные напитки, или же пытается приставать — будь твердой, немедленно попроси, чтобы он доставил тебя домой. Если он не захочет этого делать, найди в той компании кого-то знакомого, кому ты доверяешь, и попроси, чтобы он отвез тебя. В крайнем случае, позвони родителям, пусть они заедут за тобой (только не вдавайся в подробности, почему). Информация к размышлению: парень, который ставит тебя в неловкую ситуацию, — не лучший друг!

Перевела с английского
А. ГРИГОРЬЕВА

ПЛЕМЯННИК «КРЕСТНОГО ОТЦА»

«Приведи в порядок зубы, намени прическу, убери акцент, — тогда ты, может, и пригодишься», — Энди Гарсия хорошо запомнил слова продюсера, которому его представили тринадцать лет назад. Ему был 21 год. Он приехал в Голливуд, чтобы стать звездой.

Теперь он занимает лучший номер в отеле «Бевебли Хилтс» в Бевебли Хиллс. Этот отель Энди Гарсия знает очень хорошо: несколько лет назад он работал здесь официантом. Бывшие коллеги обслуживают его без фамильярности: отель — для истинных звезд, а снявшись вместе с Аль Пачино в «Крестном отце III», Энди Гарсия прочно утвердился в их «штатном расписании».

Это была роль, о которой можно только мечтать, и о которой Гарсия мечтать даже не осмеливался. Фильмы о «Крестном отце» для него всегда были вершиной: «Первые два фильма нужно смотреть по крайней мере раз в году», — считает Гарсия.

В 1972 году, когда вышел на экран «Крестный отец I», Гарсия жил еще в Майами Бич: пятилетним ребенком его вывезли с Кубы родители. После школы он в течение нескольких лет накапливал опыт на разных театральных сценах и, полный надежд, отправился завоевывать Голливуд. Только через год ему представилась возможность сыграть первую роль: «В бюро по найму актеров меня, окинув скептическим взглядом, спросили: «Что вы хотите? Как вас зовут?» Я назвал свое имя. «Но вы же не мексиканец! Мы ищем человека на роль мексиканца». «Я актер, — возразил я. — Я могу стать мексиканцем».

Уверенность в себе и упрямство помогли ему выбраться на самый верх. За небольшой ролью мексиканца последовали более значительные. 1987 год стал переломным. В «Неприкасаемых» ему предначначалось стать гангстером, но талант и случай сделали его защитником добра — вместе с Шоном Коннери и Кевинном Костнером. Роль полицейского в фильме «Черный дождь» принесла ему настоящее признание.

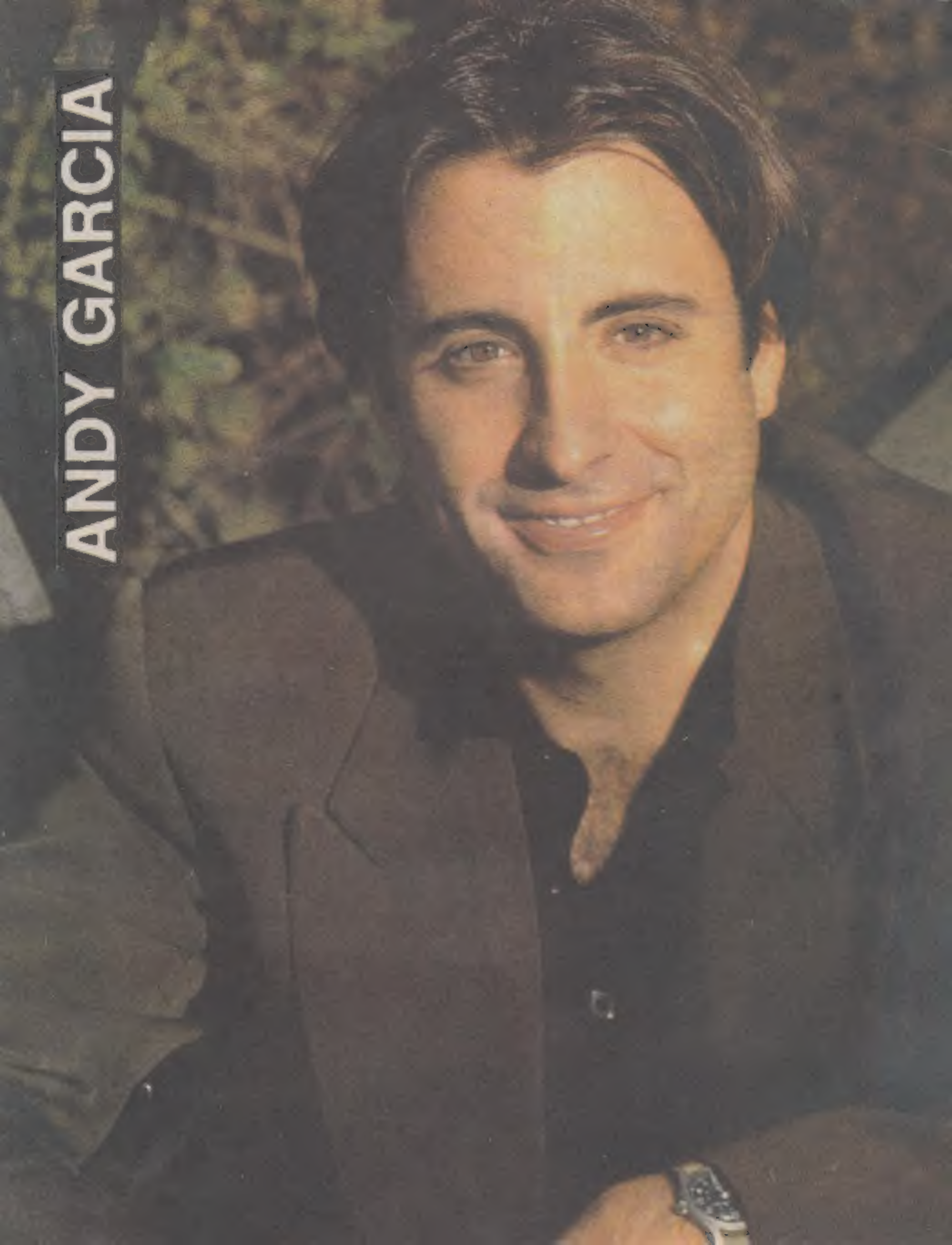
Фрэнсис Форд Coppola, режиссер «Крестного отца», этих фильмов не видел. Но первая же проба убедила его: этому парню можно доверить не только роль, но и свою дочь. 17-летняя София Coppola играет девушку, которая по сценарию влюбляется в героя Энди Гарсия. «Она очень талантливая», — дипломатично выразился Гарсия о Софии, попавшей после выхода фильма под огонь критики.

Будущее сулит Энди Гарсия радужные перспективы. Скоро он появится в фильме Кеннета Бранаса «Снова мертв», кроме этого он работает над фильмом о своей родной Кубе. В этом году он прошел номинацию на получение «Оскара».

В чем секрет его успеха? «Нельзя вальяваться», — объясняет Энди Гарсия. — Это же так просто!

ИЛИНЦ

ANDY GARCIA

ДВЕРИ

США. 1991 г. 2 ч. 20 мин. Ред. Дэвид Стоун. В ролях: Вал Килмер (Джим Моррисон), Мэг Райан (Памела), Кайл Маклахлан (Рэй Манзарен), Невин Диллон (Джон Денмор), Криспин Гловер (Энди Уорхол) и др.

Выход на экраны фильма о группе «Двери» («The Doors») ожидали все бывшие и нынешние хиппи всех народов. Потому что фильм этот — о кумире хиппи всех времен, великом американском поэте и музыканте Джиме Моррисоне. И о славных шестидесятых... Те годы небывалого азота творческой активности и стремления к свободе, годы молодёжной контркультуры дарили вдохновение не только героям фильма — это были годы взросления самого режиссера, потому и вспоминает он о них с такой любовью... А тем нашим критикам, которые, увидев фильм на последнем Московском Международном кинофестивале, уверяют, что он-де вовсе не считается за рубежом «хитом», — не верьте. Во всех крупных киножурналах он получил высшую оценку. Кал и игра исполнителя главной роли Вала Килмера.

THE DOORS

РУСАЛОЧКИ

MERMAIDS

США. 1991 г. 1 ч. 50 мин. Ред. Ричард Бенджамин. В ролях: Шер (миссис Флак), Боб Хоскинс (Лу Ландски), Вайнона Райдер (Шарлотта Флак), Кристина Риччи (Кейт Флак).

Живет себе семейство Флак: еще довольно молодая мама с двумя уже довольно взрослыми дочерьми. Старшая отчаянно и утомительно для окружающих ищет себя, младшая целыми днями сидит в ванне, ибо собирается поставить мировой рекорд по задержке дыхания под водой, а мама готовит, и просвета не видать... И тут на семью сваливаются целых два романа: один у мамы, с владельцем обувного магазина, второй — у старшей дочери, с местным красавцем, который уже втравил в беду не одну девушку. А младшая все в ванне сидит. Три женщины в семье — это, конечно, многовато для одного нормального мужчины, но замечательный комедийный актер Боб Хоскинс, точнее, его герой — владелец обувного магазина, находит способ примирить все страсти и устранить все конфликты.

ХИЩНИК 2

ПРЕДАТОР 2

США. 1991 г. 1 ч. 47 мин. Ред. Стивен Холлингс. В ролях: Дэнни Гловер (лейтенант Майн Харриган), Гари Бизз, Мария Кочича Алоксо, Рубен Блейдс, Билл Банстон, Нейт Манкфорд, Невин Питер Холл и др.

Напрасно поклонники таланта Арнольда Шварценеггера ищут его нм в списке исполнителей: первого и второго «Хищников» объединяет не положительный герой, ведущий охоту, а отрицательный, на которого охотятся. Ибо нашу планету посещает еще одна космическая тварь. В первой серии тварь разбойничала в тропических лесах, и тогда, как вы помните, с ним Арнольд Великолепный справился. Второй же хищник дебютирует уже в Лос-Анджелесе, и с ним приходится бороться обыкновенному полицейскому из Отдела по борьбе с наркотиками. Отдел этот задействован потому, что торговцев наркотиками стало убивать на улицах Нечто, т.е. нечто странное. Но если бы это Нечто ограничивалось только плохими мальчиками, а то оно и на хороших посягает...

KILL ME AGAIN

УБЕЙ МЕНЯ СНОВА

США, 1991 г. 1 ч. 40 мин. Реж. Джон Р. Дап. В ролях: Вал Килмер (Джек Эндрюс), Днонна Уэйли-Килмер (Фэй Форрестер), Майкл Мадсен (Винс), Днонатан Грис и др.

Похоже, что этот выпуск «Видеоклуба» стал бенефисом Вала Килмера (см. заметку о фильме «Двери»). На этот раз он играет запутавшегося в долгах частного детектива, которого за большие деньги нанимает таинственная красавица. Красавица подговаривает детектива разыграть ее смерть, потому что она хочет избавиться от преследующего ее бывшего дружка. Но дружок-то преследует ее вовсе не от большой любви, а потому что красавица припрятала денюжки, которые он вместе с нею украл у мафиозки... В результате за героем-детективом охотится целый ряд лиц и организаций: мафиозки, дружок и полиция.

США, 1991 г. 1 ч. 35 мин. Реж. Говард Фрэнклин и Билл Мюррей. В ролях: Билл Мюррей (Гримм), Джина Дейвис (Филлис), Рэнди Куэйд (Лумис), Джейсон Робардс (шеф полиции Ротцинджер) и др.

Милая комедия с перестрелкой, герои которой, обыкновенные жители Нью-Йорка, решают ограбить банк. Для чего самый главный герой переодевается клоуном-террористом, а в число заложников подставляет своих подельщиков. Естественно, преступников (тем более симпатичных, что остальные заложники не пострадали, а банку и так будет выплачена страховка из средств налогоплательщиков, которые вообще-то идут бог знает на что) преследуют неудачи и полиция. По дороге героям удастся обезвредить банду мафиозки и все же удрать с награбленным. Все, в общем-то, мило, однакошний раз подтверждается старое правило: хорошие актеры не всегда становятся хорошими режиссерами...

QUICK CHANGE

БЫСТРЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

IMPROMPTU

США, Франция, Великобритания, 1991 г. 1 ч. 47 мин. Реж. Джеймс Лэпайн. В ролях: Джуди Дейвис (Жорж Санд), Хью Грант (Фридерик Шопен), Мэнди Патинкин (Альфред де Мюссе), Джулиан Сэндс (Ференц Лист) и др.

Уже по списку действующих лиц становится понятно, что этот фильм — история любви французской писательницы Жорж Санд и польского композитора Фридерика Шопена. А начинается действие фильма летом 1836 года в доме Ференца Листа... История этой великой любви уже достаточно хорошо известна миру, однако режиссер — при должном уважении и знаменитым героям — ставит своей целью показать их реальными людьми, со слабостями, радостями, печалью, бесконечной путаницей, которая царит в жизни каждого, как бы велик и талантлив он ни был. И цели этой фильм достигает, потому и не смотрится как «биографическая» или «костюмная» лента.

ЭКСПРОМТ